ГЕНЕЗИС

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Шаповалов Роман

Роман Шаповалов
Генезис

https://litres.ru/74926478
SelfPub; 2026

Аннотация

Этот роман не про девяностые. Он про человека, который в этих девяностых пытается выжить и не потерять себя. Про то, как он становится собой, и какую цену за это платит.

Роман Третьяков не хотел в бандиты. Он хотел на юрфак, в спорт, в нормальную жизнь. Но страна, в которой он родился, рушилась быстрее, чем он успевал строить планы. И когда привычный мир рассыпался, ему пришлось выбирать: плыть по течению или войти в новую реальность и попытаться установить в ней свои правила.

«Генезис» — это история не о том, как легко быть сильным. Это история о том, как трудно остаться человеком, когда сила, деньги и власть предлагают самый простой путь.

Это роман для тех, кто помнит девяностые не по сериалам, а по жизни. И для тех, кто хочет понять, что происходит с человеком, когда он получает всё, о чём мечтал, и осознаёт, что за всё в этой жизни приходится платить.

«Генезис» — это умный криминальный роман о цене решений. И о том, что даже в самом тёмном времени можно остаться собой.

Роман Шаповалов
Генезис

Генезис.

Шаповалов Роман

Пролог

Вадик лез под руку уже третий раз за десять минут. Сначала я грешил на нервы. Понятное дело, деньги любят тишину, но тут, определённо, сумма для этой деревенщины немалая, оттого и поведение нестандартное. Потом я предположил, что он просто идиот. Тогда возникает вопрос к тем, кто доверил этому баклану заниматься столь ответственным делом. И вот, когда он в третий раз попробовал отвлечь меня от пересчёта вопросом «а ты уверен, что тут нет фальшивок», я отложил пересчитанную пачку купюр в сторону, чтобы уточнить, что он имеет в виду. И тут же обратил внимание на его руку. Она сползла со стола к правому бедру, туда, где обычно прячут «аргументы» скрытого ношения. Естественно, негативного развития событий я предпочёл не ждать.

— Приятель, — произнёс я, стараясь, по возможности, ровно, — а не прогуляться ли тебе на свежий воздух? Подожди там, пока я закончу. Отвлекаешь. — На что он деланно

набычился.

— Я отвечаю за бабки, а Гена за векселя. Так что считай бодрее. Что ты время тянешь. — Генка, стоявший за его спиной, виртуозно сделал вид, что его больше интересует вид на речку в замёрзшее окно. На столе меня ещё ждала для проверки розовая папка с валютными векселями на четыреста тысяч зелени, которые я должен завизировать печатью. А я всё никак не могу пересчитать наличку, сбиваясь по вине этого придурка. В избушке было уютно: пахло печным дымом и свежей мебелью. И только эти двое портили всю пасторальную картину.

— Чего так медленно считаешь? — не унимался Вадик, очередной раз поднимая тему скорости, а мне давление. — В первый раз, что ли? Показать, как надо? — Я только цыкнул, но он продолжал зудеть. Внутри меня что-то щёлкнуло, и я почувствовал, что планка медленно, но неминуемо падает. Я больше не собирался играть в вежливого партнёра.

— Вышел, — процедил я сквозь зубы.

— Чё? — переспросил он, наклоняясь ко мне поближе, явно не веря своим ушам.

— Пошёл вон. Товарищ!

На что он среагировал ожидаемо: его рука дёрнулась к поясу. Но я оказался быстрее. Резко подскочил, выхватывая ТТ, отчего стул за моей спиной с грохотом рухнул, и направил ствол в переносицу говоруну. Меняла тоже подскочил, открыв рот от изумления, не ожидая такой прыти от «ком-

мерсанта», запутавшись в складке куртки, под которой скрывал для меня неприятность. Отрешённый Гена, стоявший рядом, который по факту грел уши, даже испуганно поднял руки, обернувшись ко мне лицом. «Позишн намбе ван» скользнуло в сознании.

— А теперь слушай сюда, Вадик, — гаркнул я. — Валыну двумя пальчиками на стол. Живо! — Но он завис без реакции, и мне пришлось его поторопить. — Ты оглох? На стол! Считаю до «раза»! —

В его глазах появилась единственно верная здравая мысль. Очень медленно, с выражением глубокой скорби на лице, он приподнял пуховик, в котором потел, и вытащил пальцами какой-то крохотный дамский пистолетик, то ли травмат, то ли газовую игрушку. Положил его на стол осторожно, будто взведённую мину. Против «дедовского» ТТ эта пукалка выглядела совсем не убедительно.

Я держал их на мушке, чувствуя, как в ушах от накатившей злости колотится кровь. В наступившей тишине за окном отчётливо заскрипел снег под чьими-то шагами, отчего настроение Вадика и Гены сразу заметно улучшилось, несмотря на возникшие обстоятельства, а на лицах обоих заиграли глумливые улыбочки.

Мы были на базе совсем одни. До ближайшего населённого пункта несколько километров через заснеженные поля, до дома вообще двести, а до Нового года всего десять часов. И какого чёрта сюда кого-то принесло ещё, совершенно не яс-

но. Я точно никого не ждал, а на базе до вечера даже сторож не должен был появиться, он при мне отпрашивался у хозяина. Теперь было очевидным: эти двое просто тянули время, поджидая кого-то из подельников, которых, собственно, и дождались. В общем, попал я как кур во щи.

Чего за последние три года со мной только не происходило: кем я только не был, чем только не занимался, потерял девушку своей мечты, во мне наделали кучу незапланированных дырок. Я даже умудрился разбогатеть. И всё же дела мои могли быть намного хуже. О-о, ну да, это я, Роман. Заперт с кучей бабла на отшибе цивилизации, в ожидании, когда меня разорвут на куски. И стало быть, уж хуже некуда. Как я докатился до жизни такой? Что ж, конец мой был предопределён с начала. С самого начала!

Глава 1
Июль 1993

Вечерняя тренировка закончилась бодрящим ледяным душем. Горячую воду отключили на месяц, «плановое мероприятие», я бы сказал истязание. А план этот, ясное дело, писал тот, кто ни разу не грел воду в тазике на плите, чтобы элементарно помыться. И так из года в год. Стабильность, мать её.

Я быстро оделся, небрежно закинул спортивную сумку за плечи и бодрой, пружинистой походкой направился домой.

Впереди значились ужин и прогулка с четвероногим другом, единственным, за кого я отвечал на все сто. А ему бы говяжью рульку помясистее и бегать, пока лапы держат.

Летний вечер встретил приятной свежестью и запахом пирожков. Где-то неподалёку их пекли в промышленных масштабах. Все местные бабушки будто по коллективному наитию переквалифицировались в предпринимателей. А что может любая бабушка? Правильно: печь пирожки. С капустой, картошкой, яйцом и луком, иногда с чем-то неопознанным, но очень сытным. И торговали ими теперь буквально на каждом углу.

Июль девяносто третьего года «радовал» не по-детски: страна стремительно скатывалась в буржуазный мир волков, акул и предприимчивых крыс. Каждый крутился как мог, выживал как умел. Кто торговал пирожками, кто воровал, кто сдавал квартиры, кто уходил в бандиты. А я всё ещё ковырялся в спортивном зале. Продолжал качать мышечную массу, бог знает зачем. Наверное, на случай, если придётся отбиваться от новой экономической реальности голыми руками. А в промежутках между тренировками я не вылазил из сварочного цеха, трудясь над созданием новых тренажёров. Многие спортсмены, подобные мне, ушли на вольные хлеба, типа рэкет-мэкет. Но мне в бандиты категорически не хотелось.

После долгого рабочего дня, плавно перетекшего в интенсивную тренировку, голова гудела так, будто в ней поселил-

ся целый рой насекомых. Тут уж каждый выбирает метафору по вкусу: пчёлы, если надеешься на «медовый» результат, или мухи, если понимаешь, что жизнь скатывается в иную субстанцию. А когда начинаешь думать о деньгах, в голову лезут исключительно мухи. Особенно в связи с поиском дополнительной работы.

Зарплата в кооперативе жалких сто тысяч. А что на них купишь? Разве только три банки американского протеина. А фарма, а питание, а житьё бытьё, мать её? Математика простая: чтобы не сдохнуть с голоду, нужно что-то решать. Вот это и стимулировало искать новые формы заработка. А что умеет боец-рукопашник атлетического телосложения? Правильно! Работать пугалом для идиотов. Так я устроился вечерним администратором в ресторанчик неподалёку от дома, или по-простому вышибалой. В космонавты набор закрыли, в бизнесмены стартового капитала нет, вот и оставалось следить на доверенном участке, чтобы посетители не превращали культурный отдых в чемпионат района по боям без правил.

Ресторан назывался многозначительно «Чинар». То ли в память о Лермонтове, то ли просто дань Востоку. Открыли его ещё в восемьдесят восьмом, при формально живом, но уже стремительно издыхающем СССР, расторопные карабахские армяне.

Клиентура подобралась сразу и очень пёстрая: коммерсанты новой формации с разным достатком; бандиты всех

мастей и национальностей; и, конечно же, путаны, от малолеток до потасканных жизнью. Куда же без них.

В общем, место было колоритное. И платили, что особенно важно, живыми деньгами, в конце смены. Вот туда-то, после выгула домашнего питомца, мне и предстояло сегодня заступить с десяти вечера до двух ночи.

Пятнадцать минут бодрой ходьбы, и я наконец-то у двери своей квартиры. С той стороны уже доносится нетерпеливое цокотание когтей по паркету и жалобное поскуливание. Мой пёс учуял меня, как только я открыл дверь в подъезд. И, судя по всему, был не в восторге от того, что я заставил его ждать. У этого «гражданина» целая коллекция имён: для одних он Платоша, для друзей Тоша, в официальных документах он записан как Ральф-Лайф-Платон.

Как только я проворачиваю ключ в замке, на меня обрушивается чёрная мохнатая лавина. Семьдесят килограммов живой радости почти сносит с натруженных после трени ног в прихожей. Стоя на задних лапах, Тоха был ростом с меня. Мой ньюфаундленд, величественный, добрый и абсолютно не знающий чувства меры, с разгону прыгает мне на плечи. Его тяжёлые лапы вжимают меня в стену, а горячий пятнистый язык совершает серию молниеносных «поцелуев» по всему лицу. «Тьфу ты. Вонючка!»

Попытки сохранить невозмутимость при встрече с этим меховым гигантом проваливаются с треском. В глазах Платона читается простое сообщение: «Ты вернулся! Ты здесь!

Ты жив! А значит, сейчас мы будем есть, играть и обязательно совершим какое-нибудь безобразие!»

Я на мгновение замер, чувствуя, как его тёплая шерсть касается моей шеи.

— Ну здравствуй, дружище, — выдохнул я, сдаваясь под его напором.

— Голодный? — и наскоро разувшись и скинув Платошку с плеч, иду на кухню, чтобы задать ему быстрый перекус перед прогулкой. Он же, как бульдозер, ломится следом, радостно виляя всей задней частью туловища и роскошным хвостом, пытаясь в узком коридоре снести меня к херам собачьим, что мне пришлось его осадить:

— Рядом. Тише ты чёрт. Не балуй. — И, выдав порцию холодной отваренной на мясном бульоне гречки, я пошёл сменить гардероб для прогулки под громкое чавканье с кухни.

Пока я переодевался, зазвонил телефон. И, не успев просунуть вторую ногу в шорты, чертыхаясь и спотыкаясь, я вновь устремился на кухню ответить.

— База торпедных катеров. Слушаю, — рычу в трубку командным голосом, ещё не забывшим армейский шик, своей коронной шуткой.

— Мора, привет! — такое вот у меня со школы погоняло. Товарищ как-то ещё в шестом классе переставил буквы имени, Рома, и это прижилось. Звонил Макс. Мой дружище и соратник по железному спорту. — Я сегодня не смогу на смену выйти. Ты сам справишься или Гарика попросить на

подмену?

Я поморщился. С Гариком мы сразу не сошлись характерами, а в одиночку разгребать стадо обезумевших от алкоголя оленей, такое себе, но что делать. За то оплата за двоих.

— Ладно, Макс, — вздохнул я. — Сам разрулю. А тебе чем помочь, что за проблема?

— Да батя в больницу попал. Надо с ним подежурить ночью. Сам, наверное, догадываешься, как там сейчас лечат. — намекнул он на мой ужасный опыт общения с врачами, когда залечили мою маму несколько лет назад.

— Держись, брат. Передавай отцу пламенный, пускай выздоравливает. — я положил трубку и закончил переодеваться. А тут и мой мохнатый монстр, подчистив из чашки, уже построился на выход. На прогулку.

Слетев вихрем со второго этажа, мы выскочили во двор. Я не стал отстёгивать Платошу, лишь повёл его подальше от детской площадки, к придомовым палисадникам. А Тоха, не теряя времени, важно задрал лапу под первую попавшуюся берёзу, которой в этот вечер не повезло больше остальных.

Дальше лёгкая прогулка вокруг квартала. Степенный, неторопливый шаг моего мохнатого «медведя» располагал к размышлениям. В голове крутились события дня: что сказал Василич, директор нашего кооператива и атлетического клуба, что я успел сделать в мастерской и какие планы на завтра… Раздумья прервала случайная встреча: по аллее, вдоль редких, но размашистых ив нам навстречу двигалась девуш-

ка с собакой. И, надо же такому случиться, тоже с ньюфаундлендом. К тому же кобелём.

Пока наши четвероногие друзья определялись, нюхались и оценивали весовые категории, а Тоха был заметно массивнее, я переключился на хозяйку. Стройная, лет тридцати, короткая стрижка, простая, застиранная майка и «ливайсы», которые так удачно сидели на её весьма аппетитных формах, что я невольно остановил взгляд на фигуре. И задержался чуть дольше, чем требовали приличия. Она это заметила. И, судя по улыбке, ничуть не расстроилась. Скорее наоборот.

— Доброго вечера! — начал я, стараясь придать голосу максимум доброжелательности. — Кажется, вы тут впервые? Раньше в наших краях я вас не встречал.

— А я вас уже видела. Из окна. Я живу вот в том доме, — ответила она с лёгкой улыбкой, указав на высотку в торце моего дома. — Это Барон, — она кивнула на своего великана.

— Я Роман, а этот мальчишка Платон, — представился я, продолжая разглядывать девушку. Милое лицо, даже без косметики.

— Татьяна, — кивнула она в ответ.

— Очень приятно.

— А наши пёсы, по-моему, совсем не настроены на разборку, — с тёплой ноткой подметила она, оглянувшись на собак.

— Ну что ж, — усмехнулся я, — порода обязывает. У них

характер нордический: выдержка, спокойствие и ноль агрессии. Но, как говорится, в тихом омуте… главное не доводить до крайности.

— А сколько Платону лет? «Он же ещё совсем молодой?» —спросила Татьяна, с нескрываемым восхищением поглядывая на пса.

— Пацану двух ещё нет, — ответил я, стараясь придать голосу максимально отеческие нотки.

— Какой он огромный! А можно его погладить? — и даже не дождавшись моего «да», потянулась к Тошке.

И стоило её руке коснуться его загривка, как Барон… сработал как пружина. То ли у него мужская ревность сыграла, то ли просто ждал повода доминировать, но огромный пёс с глухим рыком бросился на моего красавчика. Секунда, и они уже сцепились в яростный клубок, рыча и расталкивая нас в разные стороны, как будто мы были двумя соломинками на пути урагана.

— Эй, полегче! — гаркнул я, бросаясь в гущу событий.

Пришлось приложить немало усилий, чтобы их растащить. Татьяна, бедняжка, только ойкнула и застыла с прижатыми к лицу руками. В этой суматохе кто-то из псов, я так и не понял кто, в пылу борьбы цапнул мне за левое запястье. Ощущение такое, будто пропустил удар молотка по кости.

— Рома, я не ожидала такой реакции от Барона! Извините нас, пожалуйста! — испуганно пролепетала Татьяна, хлопая ресницами, когда мне удалось несколько разнять драчунов.

По её лицу было видно: она не просто напугана, ей до чёртиков неловко.

— Вы главное теперь подержите своего «агрессора» подальше, — ответил я, с трудом сдерживая шипение от боли в кровоточащем запястье. — Ребятам надо остыть, а я разнял их на самом интересном. К тому же, мне нужно обработать вот это. — Показал я место укуса. — Не понял, кто из них меня прокомпостировал, но что случилось, то случилось.

Я наконец пристегнул Тоху на поводок, хотя тот продолжал утробно рычать, натянувшись в струну, всем видом показывая, что их «мужской разговор» не закончен.

— Да вот же… — вздохнула Таня, оправдываясь. — У меня обычно муж Барона выгуливает. А тут он уехал на пару недель в командировку.

Я чуть не усмехнулся. Она так буднично это произнесла, будто специально подчеркивая: с одной стороны, своё гражданское состояние, но при этом определённо намекая на степень своей временной свободы, открыта для новых предложений. Ну что ж, информация принята к сведению, хотя обстоятельства знакомства были весьма острые. И мы попрощались, договорившись в следующий раз обойтись без мордобоя.

Продолжительных романов в это удивительное время я не крутил. Были подружки, не одновременно, конечно, но молодой организм с повышенным уровнем тестостерона постоянно стремился к женскому вниманию. У меня была девуш-

ка ещё до армии, она даже дождалась, но, вернувшись на гражданку, я столкнулся с полным непониманием. А в какой-то момент я заметил искренний страх в её глазах от моих закидонов. Я пугал её своим горячим норовом. Мы расстались, и это погрузило меня в депрессию и разврат, но, по-моему, в этом возрасте разврат это лишь подтверждение крепкого здоровья. К слову, эта Таня, как объект, мне очень понравилась, а две недели срок достаточный, чтобы её муж объелся груш.

Дома первым делом занялся «санитарной обработкой». Помыл лапы Платону, потом взялся за себя. Бешенства не боюсь, псы привитые, но лишняя зараза в ране ни к чему. Вскипятил воду, растворил несколько ложек соли, получился рабочий физраствор. Смочил бинт, соорудил на запястье компресс. Хороший, проверенный ещё на службе в Советской армии способ. До работы оставалось полчаса, как раз чтобы восстановить «боевой баланс».

Мой рацион чемпиона сегодня был прост: пара отварных куриных грудок, миска риса и большая чашка нарубленных помидоров с дачи, щедро сдобренных ароматным подсолнечным маслом. Никаких излишеств, только чистая энергия. Набил желудок, и готов к новым свершениям.

В «Чинаре» к моему приходу уже многолюдно, но ещё спокойно. Табачный дым и аромат поджаренного цыплёнка с тонкими нотками коньяка наполняют воздух стойким кабацким духом.

Протискиваюсь в подсобку к директору этой богадельни, чтобы поздороваться, а заодно и отметиться, «не опоздал мол, вовремя».

— А, Рома! Здравствуй, дорогой. — он радушно тянет рот в улыбку.

— Добрейшего, Эдуард Ашотович. — отвечаю хозяину, уже немолодому мужчине, в глазах которого читалась неподдельная грусть армянского народа и лёгкая паника. После погромов в Баку и Сумгаите многие предприимчивые армяне осели в нашем городе. А что? Тепло, светло и мухи не кусают. Так-то оно так, но страх остался на подкорке намертво. Не зря он отправил старшего сына в Нью-Йорк, разведать обстановку на случай, если и в России эрменилер не приживутся.

— А ты сегодня один? — настороженно спросил он.

— Один за двоих, — уточнил я. Не давая ему набрюзжать чего-нибудь не потребного, добавил: — Не первый раз. Справлюсь.

— Да тут сегодня Арч отмечает день рождения дочки, хотелось бы без эксцессов. — Этот Арч. Та ещё сволочь, армянский авторитет, промышляющий рэкетом в своей этнической среде. Если проще — бандит. Ашотовичу приходилось все затраты по таким мероприятиям брать целиком на себя, как бы в подарок отцу именинницы. Но к этому добавлялись ещё и напряги с подпившими друзьями этого «Аль Капоне». Кстати, сходство с прототипом весьма очевидно и

комплекцией, и мастью.

— Ашотыч! Я понял, внутри никого не бить. Только на вынос. — ухмыльнулся я.

— Ты что, Рома! По возможности никакого насилия. Както мирно. — выдал он сентенцию, на это иного ответа кроме мата у меня просто не возникало. «Дипломатия для дипломатов», — подумал я. И, качнув головой, сделав вид, что согласился, отправился на «пост».

Проходя мимо стойки, прихватил уже заготовленную для меня барменом чашку крепкого кофе, его аромат перебил собой кабацкий дух. Свободных столиков почти не осталось: зал гудел на все лады. В подобном случае у меня была чёткая инструкция: пьяных и нищих не пускать, столики должны работать на кассу и хоть как-то компенсировать издержки от днюхи с Арчи. Оценить платёжеспособность клиента тоже входило в обязанности администратора, но это уже было выше моих моральных сил. Если заглянет скромная парочка из приличной семьи, я не стану для них препятствием. Пусть пьют свой постный чай, даже если на яйни и кюфту у них не будет денег. Только вряд ли они сюда заглянут, если они точно приличные.

— Э! Ты! — слышу окрик из зала и пропускаю мимо ушей. Но уже через несколько секунд ко мне разухабистой походкой подкатывает подвыпивший клиент, судя по всему, из компании Арчи.

— Ты чё, глухой? — дохнул чесночным перегаром мне в

лицо дерзкий и, судя по всему, подслеповатый пассажир. Я, ни секунды не думая, схватил его за ухо, оттянул до хруста и вывел «храбреца» на воздух. На улице прижал верещащее животное к стенке, в метре от входа, и спокойно спросил:

— Уважаемый! У тебя был ко мне какой-то вопрос? — Неуважение к вышибале первый шаг к хаосу. Он сбивчиво забулькал совсем иным тоном:

— Да я это… хотел попросить, чтобы ты… чтобы вы купили мне сигареты в магазе, тут таких нет. — Я мысленно опешил. А следом почувствовал, как крышку с моего чайника вот-вот снесёт. — «Сигареты ему, блядь. Нашёл пацана.»

И тут же развернул его в сторону табачной лавки, слегка подтолкнул в спину костяшками кулака и задал направление.

— Магазин там. — «А с этим надо что-то делать. Так никаких нервов не хватит.» И этот храбрец поковылял неуверенной походкой прочь. Порядок восстановлен. Можно возвращаться к кофе и своим обязанностям.

— Рома! Привет! — подлетела ко мне официантка. Кажется, Кристина. Или Инна, я их вечно путал. — Вон тот, с усами, меня за задницу всё время хватает. Сделай что-нибудь, а?

Ну здрасте-мордасти, я здесь ещё и полиция нравов.

— Инна, послушай… — начал я, перекрикивая заунывное блеяние группы «Нэнси» из динамиков.

— Я Кристина, — надула губки она. Чёрт. Как их отличать то? Они же все на одно лицо. Видимо, у Ашотыча вкус к

жопастым и пучеглазым специфический.

— Окей, Кристина. Я сделаю ему замечание. Ноу меня есть одна догадка: возможно, длина твоей юбки позволяет клиентам фантазировать о том, есть ли под ней трусики. Как сама думаешь?

— Мне такую выдали, — надулась она ещё больше.

— Ладно, не парься. И держи попу подальше от чужих рук. И не только… — подмигнул ей и направился к столику любителя женских прелестей.

— Уважаемый, — обращаюсь усачу в самое ухо, перекрикивая музыку. — Тебя к телефону. — Мужчина средних лет с приличным животом и пышными усами, явный представитель кавказского племени, удивился, но послушно поднялся и последовал за мной к выходу, куда я ему указал.

— Где телефон? Кто звонил? — в выпученных глазах удивление.

— Сбросили уже, — отвечаю, угрожающе нависая над ним. Он оказался на пол головы ниже. — Слушай сюда, официанток не лапать. А если возникнет нестерпимое желание, постарайся с ним, с желанием, совладать. Договорились?

— Что? — опешил усач, таращась снизу вверх. И тут же подоспел его коллега по застолью, крупный, рыхлый армянин под сорок:

— Что случилось, Артурчик?

— Да вот, — тычет пальцем в мою сторону усач, — жизни меня учит этот вот.

Тем временем из колонок задышала и зашипела Варум про Ля-ля-фа.

— Ты чё, попутал, чёрт? — рявкнул в мою сторону подошедший, даже не вникая в суть.

Я, конечно, не знаток блатной фени в совершенстве, но за «чёрта» калечить можно и даже нужно. И что-то мне подсказывает, это может стать крайней сменой в «Чинаре». А раз так, что я теряю?

Недолго думая, пробиваю коротким цуки с левой в печень оскорбившего меня незадачливого сотоварища. И пока он, потеряв рефлексы дыхания, согнувшись с выпученными глазами, в которых читался испуг и удивление, я вытолкал его и усатого Артура в проход на улицу, пока их конфуз не заметили остальные. Я же обещал никого не бить внутри помещения. Я слово своё держу.

— Теперь выслушаешь? — обратился я к пухлому, пока его друг, привалившись всё к той же стенке, пытался восстановить дыхание.

— Ты даже не представляешь, с кем связался, — прохрипел Артур, насупившись и пытаясь принять подобие боксёрской стойки. Это вызвало у меня внутренний хохот. Боец Шаолиня, бля.

А тем временем из кабака понеслось: «Фаина, фай-на-на».

— Ты прав, Артурчик, но мне это и не к чему. Я попросил тебя не лапать сотрудников. Если тебе нужна шлюха, купи, но не здесь. А что касается дальнейших представлений, не

рекомендую портить себе жизнь, а людям праздник. Забирай друга и иди отдыхай. Ты же сюда за этим пришёл? — и добавил в голос металла: — Ты меня услышал?

Тем временем у входа появился первый нарушитель, с красным, как помидор, ухом. Купил-таки себе сигареты. Проходя мимо нас, он засуетился, видимо, думая остановиться, но столкнулся с моим взглядом и благоразумие взяло верх, а он шмыгнул мимо.

Пухлый Артурчик потянулся было к нему, но не успел, не ожидал, что тот так быстро сольётся. Он ведь не в курсе предыстории.

— Ты покойник, понял? — проскрипел он в ответ, сверкнув золотой фиксой, и подхватил под руку товарища, тот всё ещё боролся с отдышкой после удара в печень.

— Не порть людям праздник, ара, а себе жизнь. — как можно дружелюбнее улыбнулся я в ответ. И дадут мне наконец-таки допить мой кофе?

Я зашёл в ресторан следом и, на всякий ослячий случай, завернул в гардеробную, летом она обычно пустовала. Вытянул газовый баллончик из укромного уголка. Товарищ по атлетическому клубу месяц назад привёз из Польши целое ведро таких с перечным газом на продажу, пару штук подогнал мне. Сегодня меры предосторожности лишними не будут.

Тем временем я пропустил внутрь ещё несколько человек и завернул подвыпившего одинокого парня, тот уже слабо

держался на ногах и смердел так, что ему точно было здесь не место. Он покрутился, пытаясь воздействовать на меня силой убеждения и незамысловатыми приёмами запугивания, но, осознав тщетность, разместился на высоком бордюре на другой стороне тротуара и принялся копаться в карманах.

Время тянулось омерзительно медленно, в ожидании разборки. К моему удивлению, больше никто не вышел, но и к Кристинам-Иннам больше не приставали: об этом я узнал от одной из них, когда, пробегая по залу с подносом, показала мне знак, всё ок. Да и в целом вечер проходил рутинно и мирно, правда очень шумно. Возможно, в этом музыкальном гуле обиженные не смогли достучаться до чувства справедливой мести у остальных сотоварищей. Что ж, ещё не вечер.

Ноги предательски гудели после тренировки, но в целом я был бодрячком. Присел на пуфик как раз напротив входа, чтобы полистать затрёпанный журнал «Андрей» с яркой сисястой блондинкой на обложке. Из колонок замурчали «Ace of base» со своим хитом «Happy nation».

Подбежала Кристина. Я внутренне напрягся, ожидая нового подвоха.

— Что? — коротко спросил, опустив журнал на колени. Она наклонилась ко мне, чтобы я лучше её расслышал.

— Рома. Я там услышала, что тебя собираются… кхм… наказывать. Те, что за дальним столиком, — и украдкой оглянулась в зал.

— Я знаю, — ответил я. — Подожду.

— Может, милицию вызвать? — спросила она, приподняв брови, и снова наклонилась ко мне, открыв вид на эффектную пухлую грудь.

— Шутишь? — оскалился я.

— Но ты же сегодня один дежуришь. Зачем тебе это?

— Что нас не убивает, делает сильнее, — улыбнулся я в ответ, а сам подумал: «Или калечит».

Тем временем из колонок заиграли дудук, зурна и что-то ещё национальное, разливаясь по залу. Такой звуковой самобытный напор могли вынести только армяне, как и столько выпить и съесть.

Девушки из компании празднующих выплясывали в центре зала между столиками, колыхаясь упитанными телесами на радость пьющим кавалерам. Где-то в углу уже затянули долгий, как жизнь, тост, про горы, про отцов, про то, что даже если всё плохо, надо пить до дна. Потом зазвенели бокалы, и кто-то, не выдержав, сорвался в пляс, увлекая за собой соседний столик. Армянское застолье — это вам не просто поесть. Это маленькая жизнь, которую нужно успеть прожить за один вечер.

Между тем в зал вынесли праздничный торт, а именинницу, девочку лет пяти, не старше, подвели к столу задуть свечи. Смех, крики, звон бокалов, всё смешалось в один сплошной гул. У меня от этого шума голова начала гудеть ещё сильнее, поэтому я решил снова выйти на воздух.

Выпивоха по-прежнему сидел всё там же, на бордюре, на-

против входа, мне показалось, что он даже задремал. Ну ничего. Сейчас тепло, не простудится бедолага.

Время шло к окончанию банкета, на улицу по двое-по трое выходили перекурить разгорячённые водкой и коньяком мужчины. Некоторые помоложе недоброжелательно косились в мою сторону, обсуждая что-то на армянском, но наката на мою персону пока не было, хотя официантка точно что-то слышала. Ну а что я? Готов к труду и обороне, мать вашу.

Готов-то готов, но как же это уже обрыдло: стою тут как собака. А ведь после армии, в девяностом, всё так хорошо начиналось. Я строил планы: собирался в следующем году поступать на юрфак. Готовился даже, ещё находясь в части: история, русский, литература, английский… Но планы рассыпались как пепел.

Сначала задержали с увольнением, и я на тот год не успевал, потом мама умерла. А дальше перестройка ускорилась до полного коллапса, и мои поначалу очень неплохие заработки в кооперативе растаяли, как мартовский снег. И вот спустя три года я сижу на воротах кабака. Исполняю роль вертухая. Очень стрёмно.

В зале засуетились, гости начали подниматься, устало шумя напоследок. Арчи подошёл к Эдуарду Ашотовичу, попрощаться, отдать дань уважения, но на самом деле распорядиться, чтобы всё, что гости не съели, официанты собрали в пакеты и погрузили в его машину. Шестисотый Мерин тут

же подогнал водитель, и чёрная туша почти перекрыла проезд возле ресторана.

Я засунул в правый карман джинсов баллончик с газом, сверху прикрыл широкой рубашкой пятьдесят шестого размера, она скрывала габариты и не стесняла движений. Вышел на улицу, всё ожидая, когда же я стану покойником. Честно признаться, жить с вызовом стало моим кредо. Не нарывался по пустякам, но проклятое чувство достоинства не давало жить спокойно.

И вот вижу, в мою сторону направились двое молодых, крепких ребят тёмной масти. Судя по походке и сломанным ушам, борцы. Видимо, из бригады Арчи.

— Ты Роман? — спросил тот, что постарше.

— А что, не похож? — хищно оскалился я, предвкушая битву.

— Ты что такой дерзкий? — продолжил второй, держась от меня на дистанции, остерегаясь.

— А я дома, в отличие от тебя. И товарищи мои с минуты на минуту подъедут, — блефанул я, заодно проверяя их на слабо. — А вот и они, видишь, подъезжают, — заметил я случайные огни фар и указал на них взглядом, сам же приготовившись первым нанести удар тому, кто стоял ближе.

— Ты ответишь, понял… — начал было старший, но не успел закончить.

В этот момент алкаш, всё это время дремавший на бордюре, неожиданно преобразился. Он просто встал в полный

рост, трезвый, как стёклышко, а в обеих его руках, вытянутых в сторону выходящего из ресторана Арчи, я увидел два пистолета. Секунды превратились в вечность. А потом понеслось.

Грохот выстрелов разорвал вечер, хлёстко, сухо, без предупреждения. Один за другим, без пауз. Пули вгрызались в тело авторитета, оставляя на белой рубашке разбухающие чёрные пятна. Он заорал, попытался укрыть своё грузное тело за машиной, но киллер, продолжая стрелять, двигался по дуге, методично сокращая дистанцию, не давая жертве ни единого шанса.

Армянские женщины завизжали, многие попадали на тротуар, прячась. Мужчины рванули в стороны, кто обратно в ресторан, кто за угол, а кто просто закрыл голову руками и присел.

Тягучие переливы дудука, доносившиеся из глубины кабака, вдруг оборвались на самой высокой ноте — резко, словно музыканту зажали горло. На улице остались только выстрелы и крики.

Когда киллер оказался у распластанного тела, Арчи ещё скрёб ногами, тщательно прицелился в голову и добил. Один выстрел, контрольный.

Я смотрел как заворожённый. Не присел, не спрятался, когда толпа отдыхающих метнулась во все стороны, просто стоял и смотрел. Киллер прошёл в нескольких метрах от меня, и когда поравнялся, заглянул мне прямо в глаза и… под-

мигнул, а через мгновение рванул в проход между домами, скинув по пути оба ствола на асфальт.

Я проводил взглядом убийцу в тёмный проход, где он растаял в ночи, перевёл дыхание и оглянулся на ресторан. Из дверей уже выбегали люди, кто-то кричал, кто-то тыкал пальцем в сторону Мерседеса и несуразно распластанного тела у задней двери в луже крови. Издалека нарастал гул сирены. Милиция, конечно, тут как тут, только, как всегда, с опозданием. Я сунул руки в карманы джинсов и, не оборачиваясь, медленно пошёл в сторону дома. Прошёл ещё один дурацкий день. Зарплату заберу завтра.

Глава 2
Октябрь 1993

Вечер, третье октября. Я отпахал тяжёлую тренировку и, провалившись в кресло шефа, листал журнал Muscle & Fitness — американскую версию. В тренерскую заглянула Оксана, инструктор по фитнесу в нашем клубе. Классная спортивная девчонка с большими серыми глазами.

— О! Ты что тут зависаешь? «Ждёшь кого?» —спросила она, окончательно ввалившись в помещение.

— Привет, Ксюха! Шефа жду. Ты его видела?

— Да он сейчас на улице, с каким-то мужиком разговаривает.

— Понял. Подожду. Василич обещал мне новый план тре-

нировок расписать.

— Что читаешь? — она подошла ближе и склонилась надо мной, заглядывая в журнал.

— Изучаю матчасть. Тут тренажёр интересный есть на грудные, рычажный. Хочу с Шефом обсудить, может, мы такой сделаем. — Я показал фотографию, на которой Карина Эверсон жмёт на скамье, радостно сверкая всеми зубами.

— Прикольно. Похож на тот, что вы на плечи сделали, — хмыкнула она.

— Похож та похож, но тут сложнее. Хотя для нас нет ничего невозможного. — с апломбом ответил я.

— Ну да, вы такие. Ладно, Рома, я домой. Пока. — и, вильнув аккуратной попкой, обтянутой в оранжевые лосины, Оксана вышла из тренерской.

Несколько минут позже зашёл шеф, а за ним следом незнакомый долговязый мужчина лет сорока пяти в сером костюме с невзрачным галстуком. Весь такой серый, неприметный, как и его глаза, но взгляд острый, изучающие, с хитринкой.

— Привет, Рома. Меня ждёшь? — улыбнулся Василич.

— Конечно. — жму руку ему и незнакомцу, поднявшись в одно движение из кресла.

— Познакомься, — шеф представил долговязого. — Это наш новый компаньон. Поможет нам с производством блинов и гантелей. У него выход на предприятие прессформ.

— Алексей Валерьевич, — представился незнакомец,

внимательно всматриваясь мне в глаза. Странно, не похоже, что он имеет хоть какое-то отношение к производству. К тому же ощущение, что меня только что просканировали рентгеном.

— Алексей Валерьевич Пожарский, подполковник Министерства Безопасности, — отрекомендовал его Василич. Вот и прояснилось, что мне было так непонятно.

— Третьяков Роман, — кратко представился я.

— Алексей Валерьевич, — обратился к нему шеф, — Роман со мной уже три года в кооперативе трудится, наш ключевой сотрудник, а ещё наш выступающий атлет. В клубе с 1985 года, так что можно сказать — ветеран, несмотря на его юный, так сказать, возраст. Вы просили специалиста, который бы с вами поездил по нашим делам. — И уже обратившись ко мне: — Ты не против?

— Я полезных перспектив никогда не супротив, — отвечаю им обоим фразой из сказки Филатова и улыбаюсь. Интересно будет пообщаться с настоящим чекистом, да ещё и в неформальной обстановке.

— Ты завтра свободен? Надо проскочить на КМВ, моих должников навестить, — обратился ко мне Пожарский. Мы с шефом переглянулись. Тот это заметил и добавил:

— Трясти никого не надо. Помогут в нашем общем, теперь, деле. Заметьте, добровольно.

— Да без вопросов, — ответил я ему я и тут же добавил присказку: — Нам татарам всё ровно… — но продолжать не

стал. Пожарский широко улыбнулся и обобщил:

— Юмор — это хорошо. Завтра одень что-то спортивное, заодно атлетический клуб презентуем. Будешь лично его представлять.

— Алексей Валерьевич, а что в Москве происходит? — вдруг сменил тему Василич. Это волновало и меня, если честно. Вот уже второй год в президентах этот ренегат, и с каждым днём становится всё хуже. Бандитизм, воровство и предательство на каждом шагу.

— Знаешь, Владимир Васильевич, есть такое понятие — социальный паразитизм. Это, к примеру, когда красные лесные муравьи делают набеги на муравейник чёрных садовых с целью похитить их куколки и превратить вылупившихся рабочих в рабов для обслуживания своей колонии. А что касается взрослых особей — их тотально истребляют. Понятно? Скажем так: куколок уже захватили, идёт процесс зачистки. Сегодня-завтра Москва по новой умоется кровью.

— А вы красный или чёрный? — не сдержался я, задав вопрос в лоб. Пожарский завис, снова внимательно изучая моё лицо, а потом произнёс:

— Знаешь, а я больше не муравей. Скоро увольняюсь из органов.

— Значит, вы скоро на пенсии? — продолжил я. Он несколько подобрался и ответил на полном серьёзе:

— Ну, это как посмотреть. Теперь уже можно заняться собственным делом. Например, хочу построить свой неболь-

шой свечной заводик, чтобы на старости лет не чувствовать себя пенсионером.

Василич тем временем поставил чайник и выложил на стол свои неизменные сушки. Мы взяли кружки, отпили — аромат чабреца и мяты заполнил комнату.

— Я за тобой утром заеду, ближе к шести, — сказал Алексей Валерьевич, отхлёбывая.

Я чуть поперхнулся, вспомнив про Платона — надо будет выгулять пораньше. Кивнул. Пожарский склонил голову набок:

— Какие-то проблемы с ранним подъёмом?

— Никаких. У меня собака. Выгуляю раньше. Ничего страшного.

— А больше некому?

— Не хочу отца напрягать. Он живёт своей жизнью, я — своей. Я и мой пёс, — ответил я.

— Ясно. Но смотри: мы до позднего вечера будем. Пёс беды не наделает дома?

— Тогда, всё-таки, попрошу батю подстраховать, Платон его знает. Справлюсь.

— Как собаку кличут? Платон? — удивился чекист. Я развёл руки и ответил по порядку, что мол Платон, с греческого широкий. Ну и умный, в теории. А на практике пока не очень, но он ещё молод.

Мы ещё пообщались на разные темы — в основном про производство тренажёров, я больше слушал, говорил Васи-

лич. Потом попрощались, и я пошёл домой, где меня ждал мой четвероногий друг.

Шёл и размышлял: «Как-то у них всё просто. Красные муравьи — чёрные муравьи. Будто не о людях. Цинично и противно. Хотя теперь мы из людей превратились в рядовых особей — женского или мужского пола, хищных либо травоядных. Мерзко. А этот вот заводик себе хочет, свой, с собственными рабами, поди ты.»

Платоша, как заправская лошадь скакал впереди по дорожке за теннисным мячом, цокоча когтями по асфальту. Я неторопливо следовал позади, приложив к уху радиоприёмник «Имула», слушая последние новости. В Москве и правда, как и сказал Пожарский, началась зачистка чёрных, а по сути красных, советских. И ничего не попишешь. А чтобы я сделал, находясь сейчас там? Конечно, был бы в гуще событий. За то, тут у нас, тишь да гладь, да божья благодать. Тьфу. Сплюнул в сердцах, а на встречу из тени, пожелтевшей ивовой алеи, появился знакомый парный силуэт — девушка с собакой. Таня. Танечка-Танюша. Вот не зря меня летом покусали — и судьба свела с этой тихой нимфоманкой. Да-да, муж её объелся груш и не раз. Ну а что он, правда?

— Приветики! — я расплылся в самой обаятельной улыбке, на которую был способен. Татьяна остановилась. Она ждала.

Я не спеша продефилировал, знай мол наших, галантно взял её за руку и, с самым серьёзным видом изобразив «свет-

ского льва», нежно приложился губами к кончикам пальцев. Но, не стал доигрывать роль до конца, быстро оглянулся по сторонам — улица была пуста — и тут же закрепил эффект, поцеловав её прямо в губы, держа её голову обеими руками.

Таня, затаив дыхание, одарила меня той самой «улыбкой Джоконды» — загадочной, чуть лукавой, от которой у любого мужика затряслись бы коленки. Впрочем, у меня колени уже были натренированы. Я видел, как по её лицу, мгновение спустя, сбросив маску сдержанности, разливается похоть.

Между нами ещё при первой встрече пробежала искра, и разница в возрасте — а она была старше меня на добрых пять лет — никого из нас не смущала. Тот факт, что она замужем, добавлял во всю эту историю нотку опасного азарта, но природное влечение брало своё, напрочь игнорируя всякую логику и правила.

Наши прогулки с собаками давно перестали быть просто моционом для питомцев. Они переросли во что-то большее. Для меня, по крайней мере, в регулярные встречи с обязательным окончанием. Когда погода позволяла, мы искали места поукромнее, и тогда наши свидания заканчивались далеко не одними лишь целомудренными поцелуями. Кто бы мог подумать, что обычный выгул ньюфаундленда превратится в такую захватывающую любовную партию? Наши собаки делали вид, что не замечают, что там эти двуногие творят в кустах, благо бюджет города экономил на освещении. Но осень внесла свои корректировки — и объятия с проник-

новениями становились не комфортными, а домой Таню я не приглашал, чтобы она не палилась. Почти соседка— всё на виду. Да ещё вдруг привыкнет, понравится.

— Привет, Ромочка! А мой завтра уезжает на неделю. — и смотрит так, испытующе: мол, что я думаю на этот счёт.

— А я завтра до вечера укачу по работе. Буду, возможно, поздно вечером, — говорю и вижу, как улыбка сползает с её лица. Таня была не только про секс, но и про чувства. И она их ко мне явно испытывала, потому и стремилась чаще видеться, буквально искала любой момент для этого. А так как детей в их браке не было, времени для фантазий у Тани было хоть отбавляй.

— А когда вернёшься, позвони мне сразу. Буду ждать... Может, заглянешь вечерком в гости? А?.. — Таня смотрела на меня с таким выражением, что в паху сразу появилось лёгкая приподнятость с мурашками.

Телефонами мы обменялись почти сразу, но связь у нас сложилась, скажем так, асимметричная. Таня звонила сама, когда ей того хотелось, а я был в режиме «всегда готов».

— Ты же меня знаешь! Меня дважды приглашать не надо, — выпалил я, расплываясь в идиотской улыбке.

А что поделать — в моём возрасте это не удивительно. Можно, конечно, пытаться включать режим «железного мужика», практиковать затворничество и испытывать силу воли, но это явно не мой путь. Я не монах, не паинька, и клятва безбрачия в мои планы на эту жизнь точно не входит. Да и

глупо было бы упускать такое везение.

Наши псы тем временем вышагивали впереди, словно старые приятели, на совместном обходе территории. Ньюфаундленды — это, конечно, не ротвейлеры, но, если прижать их к стенке, сдачи дадут так, что мало не покажется. Мы шли следом, погружённые в неспешный разговор.

Таня без умолку болтала о всякой ерунде: что случилось на работе, кто на кого косо посмотрел, кто из коллег оказался редкостным занудой. Обычный «бабский трёп», который я по привычке фильтровал, оставляя в сознании лишь фоновый шум. Но вдруг она резко свернула с темы и выпалила:

— А ты меня любишь?

Я, признаться, откровенно завис. Вопрос прилетел, как внезапный удар под дых. А что я могу ответить? Симпатия? Есть. Страсть? Ещё какая. Привязанность? Безусловно. Но что такое «любить» — честно говоря, я пока ещё не узнал. Подумав пару секунд, решил не юлить:

— Я на многое готов пойти ради тебя. Мне с тобой невероятно хорошо, ты мне очень нравишься. Но… если быть до конца откровенным, к серьёзным отношениям я не готов.

Она хмыкнула себе под нос, помолчала с минуту, а потом тихо, почти без обиды, произнесла:

— Зато честно.

«Блин, да к чему вообще всё это усложнять?» — крутилось у меня в голове. Мы же взрослые люди, зачем пытаться уместить жизнь в рамки «любит — не любит», когда всё и

так понятно без слов? Впрочем, кто поймёт этих женщин…

Пройдя по району круг почёта и поцеловавшись в тени дерева на прощанье, я проводил её домой и пошёл, озадаченный разговором, с Платохой к себе.

Кормёжка пса, белковый казеиновый коктейль себе — и спать. Предварительно выставил будильник на четыре сорок пять. Интересно, что день грядущий мне готовит?

Не проспал. Да с таким будильником марки «Слава» вряд ли это возможно. Слабонервным не рекомендую. Со всеми делами управился вовремя, и когда бежевая «шестёрка» подъехала к подъезду, я был уже наготове.

Всю дорогу до Пятигорска Алексей Валерьевич в виде беседы технично меня допрашивал — что по чём, хоккей с мячом, так сказать. Если бы я не знал о его профессии, то не догадался бы почти наверняка, что подвергся изучению. Такая у него работа — спрашивать.

— Где служил? — спрашивает он.

— В Прибалтике, в разведке. — сам говорю, а сам посматриваю за его реакцией. Он, сидя за рулём, как бы невзначай, косится в мою сторону. Наши взгляды столкнулись. Его — жёсткий, изучающий, короткий.

— А что заканчивал? — следующий вопрос. Я отвечаю. И так далее.

— А к кому мы едем? — перешёл я в наступление. — Интересно узнать о людях, с кем будем встречаться.

Пожарский чуть прищурился, будто прикидывая, сколько

можно сказать, а сколько — оставить при себе. Потом усмехнулся и ответил:

— К тем, кому в своё время здорово помогал Комитет выжить. Им тогда кое-что перепало. А теперь мы просто напомним, что долги памяти — знаешь, не горят. И не прощают.

— Ясно. Долг — святое дело, — ответил я. Пожарский хмыкнул, улыбнувшись чему-то своему, и продолжал смотреть на дорогу. Солнце уже оторвалось от горизонта, и, несмотря на туманное октябрьское утро, окрасило всё вокруг в оранжевый цвет.

Пожарский включил радио. То, что с шипением и шорохами потекло из динамиков, радовать никак не могло. Прозвучал конец какой-то музыкальной заставки, а дальше:

«Вы слушаете информационный выпуск Российского радио. Вокруг здания Моссовета выстраивается живая цепь защитников, около тысячи человек под трёхцветными знамёнами, по их словам, чтобы стоять до конца. Вице-премьер Российского правительства Владимир Шумейко попросил митингующих остаться хотя бы на час, пока проводится передислокация военных частей…»

— Такую страну погубили, — процедил Алексей Валерьевич себе под нос, но я расслышал, несмотря на шум в машине и эфир радио.

Я глянул в его сторону и подумал: «Такие вот, как вы, и погубили». Но вслух не стал — моё мнение вряд ли что изменит, а ругаться с чекистом не особенно хотелось. И кто

знает, что у него на уме и какие там «долги памяти» позволяют ему надеяться на погашение долгов его знакомыми.

Мы вкатились в Пятигорск почти в половину десятого утра и сразу направились на центральный рынок — навестить первого «друга». Им оказался директор этого самого рынка, Рафаэль Гаврилов, чья структура, как я потом узнал, охватывала множество различных сегментов экономики региона.

Удивительным стало представление на самом рынке. Мы с большим трудом протиснулись в забитую машинами автостоянку и пошли в контору. По пути Пожарский отшил ксивой прибежавшего охранника-кассира, который хотел с него состричь за парковку. Вошли — и сразу в кабинет директора.

Каково же было моё удивление, когда мы вошли в кабинет. Пожарский остановился в дверях, а Гаврилов кинулся к нему с объятиями. По моим ощущениям, не будь меня рядом, расцеловал бы ему руки. «Интересно, чем он так задолжал чекисту?» — всплыло в голове.

Кабинет оказался просторным, с высокими потолками и тяжёлыми портьерами на окнах. Вдоль стен — шкафы с книгами в кожаных переплётах, а на почётном месте, за стеклом, — несколько грамот и благодарственных писем, явно не от Министерства торговли. На столе — массивный письменный прибор из бронзы, а на стене, чуть поодаль, висела выцветшая карта Израиля с помеченными городами. На подоконнике — бронзовая минора. Небольшая, но заметная. Сразу

видно: человек знает свои корни и совсем не боится их показывать.

Между тем, из кабинета юрко выскочила задастая секретарша, пахнув на нас «Диором», — высокая блондинка в обтягивающей юбке, из-под которой виднелись края чулок. Пухлые губы, яркая косметика, взгляд цепкий, оценивающий. Она явно привыкла быть частью этого места. Подумалось «А здесь приятно…»

Я пожал мягкую пухлую руку, которую протянул следом и мне директор рынка.

— Как же я рад вас видеть, Алексей Валерьевич! Какими судьбами в наши края? — разлился слащавым голосом коренастый, располневший еврей средних лет с глубокими залысинами и живыми подвижными глазами, которые замечали всё.

— Здравствуй, Рафаэль. И я очень рад. Давно тебя не видел, а ты и не звонишь. Всё дела, да дела, наверное?.. — ввернул чекист «шпильку».

— Ой, не говори, — в тон ему ответил директор рынка, сразу перехватив тон и суть. — Да что там телефон, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. — выдал он самобытный афоризм и продолжил: — У меня здесь дел на полчаса. А вы езжайте ко мне домой, отдохните с дороги. А я, как управлюсь, — тут как тут.

— А кто этот молодой человек? — указал толстым коротким пальцем на меня Гаврилов.

— Это мой сотрудник. Роман. Прошу любить и жаловать. Скажем так, специалист с особыми талантами. И спортсмен, — представил меня Пожарский. «Интересно, что он подразумевает под моими талантами?» — мелькнуло у меня.

Они ещё перекинулись парой-тройкой фраз ни о чём, и мы, сев в машину, отправились по адресу, который чекист, очевидно, знал наизусть.

Спустя каких-то двадцать минут мы уже были у высоких кованых ворот с вензелями переплетающихся букв «РГ». Статусно, дорого и вызывающе, особенно если смотреть на унылые серые домики соседей. За воротами виднелся навес над всем двором. Дом не просматривался.

Пожарский позвонил — рядом с калиткой, на уровне головы, была установлена диковинная кнопка звонка. Нам практически сразу открыла вполне ещё молодая, слегка располневшая, но весьма симпатичная брюнетка небольшого роста.

— А! Лёша! Как я рада вас видеть! Проходите-проходите. Может, машину загоните во двор? — затараторила она.

— Доброго утра, Сонечка. Ты всё хорошеешь! — расплылся он в комплименте.

Соня чуть закатила глаза, но потом опасливо быстро зыркнула в мою сторону. Очевидно, вид громилы в чёрном спортивном костюме вызвал у неё беспокойство. Пожарский, заметив её взгляд, тут же отрекомендовал меня как товарища и великого спортсмена, а не то, что она могла поду-

мать.

Что она могла подумать — оставалось только догадываться. Ну а что — пагром заказывали? Гы.

Машину оставили за воротами. Пройдя через огромный двор, накрытый металлическим навесом, мы проследовали следом за Соней в дом. И сразу оказались в большом зале с высоченными потолками метров пять, не ниже, стенами в позолоченной лепнине, кожаными диванами и резной дорогущей мебелью на идеальном паркетном полу. Роскошь — как в Эрмитаже.

— А я вижу, вы ремонт закончили, — сдержанно, с восхищением в голосе изрёк Пожарский. Я так же восторженно хмыкнул — такое я видел только во дворцах Петергофа, когда ездил в Ленинград ещё с родителями.

— Ой, Лёша, сил нет это убирать. Уже вторую помощницу наняли. Одна не справляется, — запричитала Соня.

«Я в родительской двушке тридцати семи метров должен быть счастлив — что там убирать-то?» — подумал я. «А ещё вот это вот: Соня, Лёша… По-семейному как у них всё. Действительно Пожарский сюда не напрасно приехал. И нас тут, таки ждали.

Мы разместились в глубоких кожаных креслах, и вскоре Соня принесла на подносе две чашки умопомрачительного запаха кофе — поставила на столик, между нами. В комплекте шла приличных размеров хрустальная ваза с разнообразными орехами, финиками и прочей снедью.

В общем, сидим, наслаждаемся напитком и жизнью — ждём, когда хозяин вернётся.

Хозяйка дома, тем временем, включила для нас телевизор Panasonic — и тут понеслось. Пятый канал. Горячие новости из Москвы — зрелище, от которого всё внутри напряглось. На экране творился настоящий ад: дымящийся Дом Советов, ощетинившиеся дулами танки, бронетранспортёры, перекрывающие проспекты, и фигурки спецназовцев, короткими перебежками сменяющие позиции на фоне расстреливаемого здания. Кадры сменяли друг друга с пугающей частотой: вот кого-то волокут по брусчатке за руки, вот по некогда белокаменным стенам пробегают всполохи серых разрывов, а верхний этаж охвачен яростным пламенем.

Голос диктора, неестественно спокойный и отстранённый, зачитывал указ Ельцина о введении чрезвычайного положения. В этот момент стало окончательно ясно: нарождающаяся «демократия» сбросила маску, показав миру свой звериный оскал. Происходящее больше всего напоминало кадры из хроники переворотов в какой-нибудь Нигерии, где власть меняется вместе с количеством трупов.

Сердце предательски сжалось, а на глаза сами собой навернулись слёзы — горькие, бессильные. Я смотрел на этот пожар в центре столицы и чувствовал, как рушится не просто здание, а целый мир. В голове навязчиво пульсировала одна-единственная мысль: «Вот и всё. Советская власть закончилась. Стыдно то как».

— Роман! — окликнул меня Пожарский. Я резко обернулся, вырванный из оцепенения.

— Кофе, — коротко бросил он с какой-то кислой, вымученной улыбкой.

— Что? — переспросил я, не сразу сообразив, о чём речь. А потом опустил глаза и понял: я был настолько поглощён кадрами на экране, что даже не заметил, как наклонил чашку. Кофе густой тёмной лужей растекался по полу.

— Ох, чёрт… Нехорошо получилось, — процедил я, глядя на пятно. Но что именно «нехорошо» — тут так сразу и не поймёшь.

— Интересное кино, — прокомментировал чекист, не отрывая взгляда от телевизора, где творилась новая история.

— Да пиздец, — вырвалось у меня в сердцах. Пожарский не стал делать замечание. Видя моё состояние, он понял, что цензурные слова здесь не допустимы. Он просто молчал, глядя на то, как рушится привычная реальность.

Вскоре приехал Гаврилов с водителем, который по виду больше походил на телохранителя — видимо, два в одном. Крупный и бодрый. Он представился Юрой. Нас пригласили в другой зал — здесь его называли столовой. На стенах — картинная галерея, многие выглядели старинными, не иначе обнесли какой-то музей, подумал я.

Мы разместились за длинным дубовым столом под гигантской хрустальной люстрой на пятьдесят ламп — не меньше. Соня понесла на стол множество закусок: суджук, балык

и разнообразные соусы, горячие лепёшки и блюда со свежими овощами и зеленью. У меня, человека, привыкшего к приёму пищи по расписанию, буквально потекли слюни от нереального запаха. Интересно, они так каждый день едят? Вряд ли успели купить столько деликатесов к приезду дорогого гостя, если заранее не знали о его визите.

Пережитые эмоции у телевизора немного отошли на второй план. Я снял мастерку и принялся накидывать себе в тарелку овощи, оторвал ломоть лепёшки, макал в аджику и цахтон, закидывая в рот кусочки копчёностей.

— Скоро будет барашек, — улыбнувшись, заметил Рафаэль.

— Роман спортсмен, ему надо хорошо кушать, — хохотнул Пожарский, покосившись на меня.

Помощник Гаврилова с интересом принялся меня рассматривать — увидел обнажившиеся бицепсы и округлившиеся под тонкой майкой плечи. Гаврилов тоже заметил и прокомментировал:

— Такого не прокормить.

— И за этим мы тоже к тебе, — сразу поддел его Пожарский. — Надо поддержать спортивный клуб. Ты же не против спорта, Рафаэль? Тот поднял вверх обе руки, всем видом показывая, что сдаётся и произнёс замечательную фразу

— Лёша! Надо, так надо! А сколько надо? — и хитро прищурился.

— Сразу видно делового человека, — хохотнул Пожар-

ский и, показывая на меня пальцем, продолжил: — Всё гораздо интереснее. И я думаю, может так оказаться, что взаимовыгодно для обеих сторон.

Но закончить он не успел — в столовую внес огромное латунное блюдо шкворчащего шашлыка, до этого ещё не видимый пожилой сухощавый, чуть сутулый мужичок в очках с толстыми стёклами.

— Спасибо, дядя Яша. Садись с нами, покушай — великодушно поблагодарил его Гаврилов. — Ты настоящий волшебник! Это что-то! А запах — можно на хлеб мазать.

— Спасибо, Рафаэль Давидович, я пока жарил, напробовался. Пойду я, дела ещё есть, — и, практически раскланявшись спиной, вышел за дверь.

«О как тут устроено. Какой-то дядя Яша в прислугах. Видимо, дежурный шашлычник.»

Мы с большим удовольствием принялись поглощать прекрасно прожаренные куски мяса. Впрочем, за остальными я не следил, но сам точно отличился количеством съеденного.

Между треньканьем ножей и вилок Пожарский и Гаврилов перекидывались туманными фразами о каких-то делах, но понять, о чём, собственно, идёт речь, было нельзя. И когда Соня внесла чай, подал голос Юра:

— Рома. А ты такой раздутый от анаболиков, наверное? — Я даже перестал жевать, отложил вилку с ножом и внимательно посмотрел водителю в глаза:

— А, по-твоему, большие мышцы обязательно от анабо-

ликов? — и быстро взглянул на реакцию остальных.

— Я читал, что все качки на химии. Ты же качок? Мышца раздутая, а силы никакой, — заключил Юра и откинулся на спинку тяжёлого резного стула.

Но я уже зацепился и давать спуску этому засранцу не собирался ни за что.

— Хочешь проверить?

— А давай! — обрадовался Юра. — Давай на руках поборемся? Я в своём полку всех клал, — и игриво подмигнул своему шефу: мол, сейчас увидишь, что я с ним сделаю.

«Хорошо, когда противник читает глупую литературу и делает поспешные выводы. А ещё лучше, когда плохо информирован о тебе.»

Я-то, к своим почти двадцати четырём годам, кроме КМС по пауэрлифтингу имел такой же разряд по армрестлингу. А ещё будучи в армии, на Чемпионате Прибалтийского военного округа в девяностом, в соревнованиях по гирям (военно-спортивное многоборье) вошёл в тройку сильнейших — отстал от второго только по разнице в собственном весе. А после основного состязания, в схватке на руках, я порвал всех желающих померяться со мной силой.

— Как скажешь, — отвечаю самым будничным голосом, стараясь не показывать раздражения. «Решили, значит, евреи нам тут проверочку устроить.»

— Стол есть подходящий? — спросил я и чуть подумав, добавил: — какой не жалко.

— Ты же не со столом, а со мной будешь бороться, — засмеялся дерзкий парень.

Мы все дружно устремились в гостиную. Барная стойка оказалась тем, что нужно — и по высоте почти в самый раз. Пожарский смеялся со всеми, пока мы перемещались, но по его напряжённому взгляду я понял — он крайне серьёзен.

Мы с Юрой стали напротив, по обе стороны стойки и сцепились руками, застыв в стартовой позиции. Гаврилов, увлечённый зрелищем, предложил:

— Ставлю на Юру, пятьдесят тыщ! Лёша, принимаешь вызов?

Юра скинул вязаную кофту — под ней оказалось мускулистое и жилистое тело. Выглядит весьма достойно — интересно только, какой функционал.

— Отвечаю, — бодро, с непроницаемым лицом шулера, ответил Пожарский и дал отсчёт: — Три. Два. Один. Старт.

Что у меня лучше всего — так это скорость реакции. Порой сам не понимаю, что произошло, а нужное действие уже рефлекторно выстрелило. Так вышло и сейчас: я в одно движение чуть поддёрнул руку соперника на себя и сразу, без паузы, хлопнул её на столешницу. При этом пальцами ощутил хруст.

Юра охнул и тут же взвыл от боли, прижав повреждённую конечность. Согнулся пополам, баюкая её как ребёнка. То, что это травма серьёзная стало очевидно сразу.

— Давидович, с тебя палтос! — ехидно гаркнул Алексей

Валерьевич.

Гаврилов засуетился, выискивая телефон.

— Только сейчас скорую вызову, — растерянно проговорил он.

«Интересно, чего ему жальче — Юру или бабло?»

— Надеюсь, без обид? — спросил я, изображая растерянность. В душе я ликовал — на «фюзеляже» можно рисовать ещё одну звезду.

— Всё честно, какие обиды, — ответил Гаврилов, а Юра злобно зыркнул в мою сторону и сел в кресло, где тут же принялся раскачиваться от нарастающей боли.

— А есть лёд в морозилке, для компресса? Сильно облегчит боль. Юр, ну извини. Заметь, не я это предложил, — выдал я дельный совет, заодно деликатно извинившись.

— Да ладно, чё ты. Мир. Ну, сука, как ты это делаешь? Я же был готов, но тут как машиной срезало.

Соня принесла кусок замороженного мяса, завернула в пакет и протянула пострадавшему. А когда Юру увезла скорая помощь, мы разместились в гостиной пить чай, который пришлось греть по новой.

— Смотри, Рафаэль. У ребят кооператив по производству тренажёров. Они расширяют ассортимент инвентаря для спортзалов, и им требуется станок для обрезинивания блинов для штанги. Я помню, у тебя есть что-то связанное с вулканизацией, а прессформы делали на твоём предприятии.

— Как ты всё помнишь? Есть такое дело. С этим помогу, по-свойски. Но знаешь, мне вот что интересно, — и Гаврилов повернулся ко мне.

Я поставил чашку на столик, превратившись во внимание.

— А много ли у вас в клубе таких, как ты?

— Команда, — улыбнулся я. — Человек двадцать крепких ребят. — И, примерно поняв ход его мыслей, продолжил: — Многие с боевым опытом. Афган и Ангола.

Глаза Гаврилова тут же зажглись. Он посмотрел несколько секунд на Пожарского и подытожил:

— А зачем вам эти тренажёры? Сколько вы на этом зарабатываете? У меня другое предложение. — Он чуть притормозил, что-то вспоминая, и добавил: — Алексей, а ты не хочешь после увольнения ко мне пойти? Предлагаю должность Президента частной охранной компании. Сейчас это становится актуальным, как никогда. Смотри, какие у тебя орлы! — и они оба перевели заинтересованный взгляд на меня. А я и представить не мог, что стану пушечным мясом для буржуев на несколько лет.

Глава 3
Декабрь 1993

Вот уже вторую неделю мы безвылазно сидим в Нефтекумске — городе, на границе Европы и Азии. Наша временная «резиденция» — дом местечкового олигарха, пре-

вращённый нами в настоящую крепость. Атмосфера внутри — хуже, чем в осаждённом бункере: повсюду дежурят наши бойцы, окна с улицы заколочены, а хозяин боится лишний раз выехать со двора даже с двумя машинами сопровождения.

Ситуация вышла из-под контроля — у этого магната похитили родного брата, извините за рифму. Теперь бандиты из соседней горной республики буквально засыпают его угрозами, обещая вырезать всех до последнего. Но и «клиент» у нас непростой — горский еврей, который подмял под себя практически всё, что в этом богом забытом месте хоть как-то приносит доход. В его хищных лапах оказалась вся заготовка шерсти и выделки шкур в районе, местный пивзавод, сеть шиномонтажек и забегаловок общепита, да что там, даже местный рынок был у него в собственности. В общем, человек-оркестр с бизнес-империей, которая теперь трещит по швам из-за угрозы физического истребления собственников. Он по-родственному пожаловался Гаврилову, а тот порекомендовал ему Пожарского, как человека с необходимым функционалом.

Теперь весь клан бизнесмена заперт за высокими заборами, а мы — наша молодая, но зубастая охранная компания, крутимся как белки в колесе. Хотя, какие из нас белки, скорее, стая волкодавов, готовых рвать всю хищную двуногую живность в округе. Основная задача: не дать «милым» ребятам из Дагестана разнести этот многоуровневый бизнес в

щепки и, что важнее, сберечь покой и жизни двух семей. Самого бизнесмена и его несчастного брата Гриши, который пока ещё находится в лапах у похитителей. Работа нервная, грязная и, судя по всему, только набирающая обороты.

Сейчас, поздно вечером, собравшись в большой столовой усадьбы, наш руководитель, теперь уже, отставной подполковник Пожарский, проводит совещание с раздачей ценных указаний, а кому и мандюлей.

— Михаил! Почему отпустили водителя на рынок одного? Кто с ним должен был ехать? — и, не дождавшись ответа, продолжил: — Ты. А почему ты сказал ему, чтобы он ехал и не ссал?

— Алексей Валерьевич, — понуро опустив голову, ответил Миша, — я ему с собой газовик дал. Да и кому он нахер нужен?

Пожарский аж поперхнулся от такой «стратегии».

— Решать не тебе. — и, повернувшись к остальным: — Все мои инструкции выполнять от и до. Двести долларов в неделю вам платят не спрашивая. Не хватало, чтобы ещё одного украли. И это хорошо, что в этот раз обошлось.

— Ясно, — ответил Михаил и сел.

— А теперь к планам на завтра. Утром подъедет подкрепление — мои бывшие сослуживцы, помогут нам с поисками. Четверо бойцов «Вымпела», пока в отпуске, заодно кое-чему вас подучат.

Пожарский задумался, пожевал обветрившиеся губы и

продолжил:

— Появилась наводка, где прячут Григория. На кошаре, километров в тридцати, в степях за озером Белым. Работаем в полный рост: все получают бронежилеты и «огнестрел». Начальник милиции сегодня завез партию стволов — пара «ТТ» и несколько «Макаровых» с бк. С утра потребуется обязательная проверка. Езжайте за мусорный полигон, хотя бы на километр, чтобы лишних ушей не было, и отстреляйтесь. Оружие должно работать безотказно.

Пожарский обвёл всех присутствующих таким взглядом, что стало понятно: сейчас серьёзный разговор только начнётся.

— У меня есть ещё вопрос, — он обвёл всех бесчувственным взглядом. — Кто не готов подставляться под пули? Кто не уверен, что справится? Есть желающие отказаться? Хочу услышать это сейчас.

В ответ — гробовая тишина. Только восемь пар злых, голодных глаз сверлят чекиста в ответ.

— Хорошо. Доведите остальным по ситуации. Они так и остаются на хозяйстве, стерегут, тылы должны быть прикрыты по максимуму, а наша задача — хорошенько выспаться перед рейдом. Так что, хлопцы, не задерживаю. Крепкий сон — залог здоровья. И вот ещё: рации поставить на зарядку — это важно. Придётся побегать по степи, а погода шепчет — смотрел час назад, минус двенадцать и ветер усиливается.

Он уже, казалось, собрался нас отпустить, но вдруг замер,

демонстративно постучал себя пальцем по лбу, вспомнив о чём-то важном:

— Да! И самое главное, чуть не вылетело из головы. — Пожарский покрутил в пальцах пистолетный патрон, поймав на нём блик лампы. — За спасение Григория, то бишь за его возвращение в лоно семьи, Роман Яковлевич пообещал каждому участнику поисковой группы по тысяче долларов. Сумма приятная, согласитесь. Но есть нюанс, — он выразительно подбросил патрон на ладони. — Григорий должен вернуться домой живым. Желательно невредимым. Хотя сами понимаете, в степи случается всякое, так что тут уж как карта ляжет.

Он обвёл нас цепким взглядом, ожидая вопросов. В тишине было слышно, как на кухне нервно загудел холодильник.

— Вопросы есть?

Вопросов ни у кого не возникло. За «штуку» зелени все парни, как один, были готовы рисковать.

Но тут я поднялся и предложил то, что первое пришло на ум:

— Маскхалаты не помешали бы завтра, и тёплая обувь — желательна. Думаю, у охотников местных можно дёрнуть. Может так оказаться, что целый день по снегу будем бегать, а у ребят обувь не для полевого выхода. Так же, пайки и термос с горячей водой не помешает. Как-то так.

— Согласен, Рома, я об этом тоже думал. Завтра всё

устрою. Размеры обуви запишите на листок. Какие ещё будут предложения?

Руку поднял Макс:

— В степи что мы будем делать с «хлопушками»? Может, есть что-то посерьёзнее? Хотя бы двенадцатый калибр, картечь или пули.

— Я подумаю, подберём. Но знайте, вы идёте второй линией. Когда обнаружим точное место зиндана, впереди будут спецы, которые как раз завтра и прибудут. На этом и порешили.

К полуночи легли спать вповалку на матрасах, которые доставили по указанию подопечного. Роман Яковлевич на самом деле очень напрягся ради спасения своего брата. Для нашей кормёжки холодильник забил мясом, сыром, различной колбасой и даже выставил две литровых банки чёрной икры. Прямо скатерть-самобранка, праздник живота, если бы не повод.

Но что же привело к этой трагедии? Он, всего-то, не поделил сферу влияния, связанную с шерстяным бизнесом, отказался взять в долю своего давнего приятеля, с которым, очевидно, ещё в советское время крал безбожно из кармана государства, а тут побили горшки. Вот и выкрал Магомед, он же Мага, близкого родственника — дабы нехуй, и потребовал кусок пирога в обмен на брата.

Под мерный храп пацанов я тоже заснул.

Михаил разбудил всех знакомым до боли: «Рота, подъ-

ём!» На него кто-то зашипел, кто-то бурчал, а я поддержал шутливую нотку в унисон ему: «Строиться в большом проходе. Форма одежды — номер раз». И, в темпе вальса пройдя мыльно-пузырные процедуры, мы отправились пристреливать стволы за город. В доме осталась дежурная смена.

Пришлось прогревать машины дольше обычного — мороз давил под двадцатку, а зябкое тёмное небо с кристаллами звёзд навевало депрессию. А чем ещё в шесть утра оно может навеять?

По пути к месту импровизированного стрельбища набрали всякого подсобного мусора, который сойдёт за мишени: консервные банки и смёрзшиеся картонные коробки.

Мне достался по жребию «ПМ», да и для меня он более знаком по функционалу. Отстрелялся неплохо — кучно и без задержек. На двадцать шагов в картонку сорок на сорок положил все восемь патронов. Остальные справлялись не хуже, только один «Токарев» разок закусил, но при хорошей сноровке это не критично.

Забавная история с этим оружием вышла — вооружали нас кто чем. Что-то привёз начальник городской милиции из изъятого, прокурор района обещал кавалерийский карабин сорок третьего года выпуска и несколько вертикалок из собственного арсенала с «волчьими» патронами — картечь и пули майера. Потому что и тот, и другой были закадычными друзьями нашего еврейского олигарха. Но положиться ни на милицию, ни на прокурорских он побоялся — обратился

к товарищам постарше. Какие времена — такие и меры.

Трясясь по разбитому асфальту, вернулись в усадьбу. В глубине двора тарахтит, наполняя воздух вокруг сизым дымом, УАЗик без номеров, но с ярким триколорным пропуском на лобовом стекле. Мы загнали следом наши белые «Нивы», так же оставили их заведёнными — дабы не случилось непредвиденного на морозе. Бензин сейчас ещё то говно, особенно здесь, в Нефтекумске — самопал в каждом дворе наливают.

Зашли в дом, а там уже обещанные бойцы «Вымпела» в пёстрых зимних камуфляжных комбезах. Сидят, рубают колбасу за столом, морды красные, обветренные, сосредоточенные, злые. На столе навалено всякого: распотрошённые цинки, автоматные магазины, рации и конечно же рядком несколько воронёных вёсел (АКМ).

После событий октября девяносто третьего, когда «Вымпел» в полном составе отказался штурмовать Дом Советов, Ельцин переподчинил структуру в ведомство МВД, и многие бойцы посчитали это не иначе как оскорбление и массово подались из органов. Наши числились в отпуске без содержания. Как бы…

— Познакомьтесь. Вы должны знать друг друга в лицо, — поднявшись, приветствовал нас Пожарский. — Обувь и камуфляж я привёз, разбирайте. И извините, что такая пересортица со снаряжением — с миру по нитке, голому рубаха. — и, продолжив уже деловым, бодрым тоном: — Непосред-

ственно в операции будет тринадцать человек. Игорь, Виктор, Семён и Валера — передовая группа, остальные держат периметр, прикрывают от неожиданностей. Садитесь, поешьте — и по коням, время не ждёт. — Дальше Пожарский присвоил всем номера, чтобы не путаться.

Разобрали и сверили частоты на Motorola GP300, о которых позаботился Пожарский, когда только наша компания запустилась — без связи оперативности ожидать не приходится. Оделись, обулись и вывалились на воздух. Макс прихватил «берданку», остальные гладкоствольные разобрали, я остался с «ПМ». Будет с меня и этого. С собой два снаряжённых магазина и пригоршню высыпал в карман, мало ли. Группа «Вымпел» дружно закурила, в отличие от нас, спортсменов. На свежем воздухе пригнали брони, перешнуровали ботинки. Мне достались разбитые унты на собачьем меху — зато тёплые. Эх, прощай большой спорт на время…

Не спеша, переваливаясь по ухабам, минут сорок колонной из трёх внедорожников «аля рюс» добрались до места высадки. Сначала выгрузилась наша четвёрка, другие две машины поехали справа и слева от предполагаемого места заточения Григория.

Через пять-семь минут пискнула рация и Пожарский провёл перекличку. Он был со спецами, в передовой группе.

— Я первый, как меня слышно? Отвечать по номерам. — Мы все по очереди подтвердили: «Слышу хорошо и чёт-

ко». Затем он скомандовал нашему экипажу растянуться во фронт и двигаться к лесополосе, где и остановиться, чтобы ждать дальнейшую команду.

Бросив машину в поле, двинулись в заданном направлении по замёрзшей земле, сбивая одинокие заиндевевшие пучки травы. Разбрелись пошире. До редкой лесополосы всего-ничего, не больше ста метров. В мутном мареве струящегося зимнего воздуха солнце едва стрельнуло лучом из-за горизонта.

Я быстро добежал и присел, опершись на ствол акации.

«Сейчас бы мама меня увидела… Расстроилась бы точно. Так, не ныть: тысяча бакинских плюс четыреста за две недели сидения поправят настроение.» — Стряхнул ненужные мысли про неубитого медведя, огляделся вокруг. Прямо передо мной, перпендикулярно друг другу, вросшие по крышу в землю тянулись то ли бараки, то ли овчарни — а вообще, честно, не знаю, как это называется, городской я. Чуть в стороне — покосившаяся хибара, из трубы которой струится лёгкий дымок, смердит горелым кизяком и золой. Кислый, противный запах.

Пискнула рация:

— Всем. Внимание. Штурм. Вторая и третья группы, подойти на дистанцию двадцать метров и наблюдаем.

А спустя несколько секунд сухо бахнула световуха.

Я сел на задницу, согнулся, насколько мне позволил бронежилет. Послышались пара одиночных щелчков — похоже

на пистолет. Я сижу, вожу «жалом» вокруг себя, наблюдаю и тут, совершенно случайно, замечаю позади себя, совсем рядом сутулую собаку, которая шаткой неуверенной поступью трусит прямиком ко мне.

«Что за чертовщина?»

До неё осталось метров семь, как я осознаю, что это ни хрена не собака, а самый настоящий волк. Из приоткрытой слюнявой пасти падает пена, взгляд кровавых мутных глаз, шерсть сбилась клочьями.

Я взвёл пистолет и прицелился в этого бродягу раньше, чем мне пришло на ум: «Это же, блядь, бешенство». И выпустил бодрую двоечку в направлении твари. Волк вильнул, скрутился на бок, захрипел и снова подскочив, пошёл на меня прыжками. От лютого страха, я буквально с места отпрыгнул и тут же выпустил по серому всё без остатка и перезарядился.

Мерзкая тварь упала прямо на то место, где я только что сидел.

«Чёрт! Сейчас наслушаюсь от босса. Да ну нах, здоровье дороже.»

Пискнула рация:

— Кто стрелял? — рявкнул Пожарский раздражённо.

— Тринадцатый. Бешеный волк. Обнулил. — на ум пришло «везёт же мне с этим номером.»

— Ты сюда на охоту приехал? — съязвил он.

— Это риторический вопрос? — ответил я в тон.

— Всем. Сбор у домика. — В голосе радости не слышно. Не по плану. Я медленно поплёлся, перешагивая кучи мусора и смёрзшейся соломы.

Проходя мимо овчарни, я засмотрелся под ноги. И вдруг что-то толкнуло меня обернуться. Пистолет я держал в опущенной руке и среагировать как надо уже не успел. Прямо из-за угла, краем глаза увидел вспышку, тут же чёткий бах по ушам, и меня как щепку сложило пополам. Удар пришёлся в живот и в бедро. Дыхание стало колом, а свет потух. И в какой-то момент меня затянуло в туннель с алюминиевыми стенками, закрутило, ускорило и шваркнуло о невидимую стену, по которой и размазало в тонкий блин.

Но я, каким-то чудом, очнулся от резкой боли в грудине. Меня пытались доломать вручную, при этом моя жопа мёрзла на стылой земле. «Да что же это. Ненавижу этот номер. Тринадцатый».

Приоткрыл правый глаз. Надо мной, уперевшись в меня обеими руками, пытается проломить грудную клетку Семён. И гад дышит на меня смрадным таким табаком, и так мерзко, я чуть не блеванул. В горле заскребло, и я закашлялся. Он тут же прекратил пытку.

— Фух! Бля, живой! — радостный голос Пожарского. Кручу головой по сторонам, а руками проверяю, что с моими штанами, которые, как оказалось стянули до коленей. А тут ещё накатила мучительную, разрывающую боль не только в месте ранения, но и во всей ноге.

— Что это было? — спрашиваю, стиснув зубы, встретившись взглядом с чекистом.

— Бандитская пуля. Вон сидит, долбоёб, который тебя шмальнул.

Я приподнял голову: у стены сарая, неподалёку, связанный руками к ногам, через спину и с тряпкой во рту, лежал седой дед с разбитым напрочь лицом.

— А штаны зачем сняли? — подозрительно спрашиваю, поймав взгляд Пожарского.

— Так ранили тебя. Жгут и пластыри налепили. Сейчас к доктору поедем. Кстати, как обезбол, ещё не дошёл?

— Потерплю. Вот только штаны оденьте, по-братски, жопа мёрзнет, — с трудом ворочая языком, попросил я. А потом задал ещё вопрос: — А зачем мне рёбра ломали?

— А то, что пульса не было. Основной заряд дроби по броне попал и ритм, видимо, сбил, — сидя рядом на корточках, прохрипел Семён, боец из первой группы.

— Спасибо, брат, — только и смог я выговорить и снова потух.

Очнулся я, когда меня вытаскивали из машины. Привезли в больницу. Перед глазами мельтешение кривой плитки под ногами, пока меня несли под руки ребята. Двери, снова плитка, а над головой скачут тусклые лампочки. Снова двери. Положили на кушетку.

— Что у нас тут? — вошёл высокий молодой врач в белом халате и шапочке, обжёг меня огнём чёрных острых глаз.

— Не что, а кто, — съязвил я. Доктор улыбнулся:

— Юмор — это хорошо. Я врач-травматолог, Хасан Жунидович. Как к вам обращаться?

— Роман Владимирович, — ответил я. — Не травматолог. — Он снова улыбнулся.

— Сейчас мы вас быстренько осмотрим, потом на рентген, а если потребуется, прооперируем. Как ваше самочувствие в целом? — заглянул мне в глаза, будто что-то в них искал.

— Не дождётесь. Нормально, — буркнул я. «Интересное дело: один даг подстрелил, другой лечит. Чудны дела твои, господи.»

— Я чеченец, — сказал врач.

— Что? Я что, вслух это сказал? — и мысленно засмеялся, но стало очень неловко.

— Бывает. Вам же укол сделали, обезболивающее. Неизвестно ещё, что за препарат. Такой эффект, заговариваетесь.

Меня переложили на каталку и повезли в операционную. А дальше самое неинтересное: операция под местным наркозом после рентгена. На удивление, рёбра оказались целы. Хасан Жунидович сказал, что весь удар на себя принял мышечный корсет, так что обошлось извлечением двух крупных дробин из обеих ног.

На следующий день меня, можно сказать, выписали. Я пытался всучить доктору двести долларов, но он наотрез отказался.

— Роман! Говорю тебе конкретно: копейки не возьму. Я слышал, вы с бандой схлестнулись, от местной милиции этого не дождёшься. Так что выздоравливай. И считай, что тебе повезло, чуть бы ниже, и детей тебе не видать, — смеётся. У врачей особый юмор, но мне нравится.

Знал бы он, что за банды и что за стрелок. Дед, который меня подстрелил, работал на кошаре пастухом. Оказалось, что непрошенные гости из соседней республики повадились воровать овец. Он вышел на обход, услышал выстрелы, выглянул из тепляка, а на базе чужие с оружием. Он и пальнул. И хорошо, что его не забили ребята от злости, только чуть припечатали. А вот Гриши на кошаре не оказалось. В результате осмотра стало понятно: тут его и не было, нас пустили по ложному следу. Всё надо начинать с начала. За мной заехал Максим на «Ниве». Морда довольная, как у кота.

— Ты что сияешь, как олимпийский рубль? — бросаю ему беззлобно.

— Ну а что ты валяешься по больницам и медсестёр щупаешь, пока мы шашлыком и чёрной икрой давимся? — и ржёт, как конь. «Смешно дураку, что уши на боку. А доктор прав, чуть без причиндалов не остался, за двести-то долларов в неделю... Сейчас ещё от Пожарского наслушаюсь. Он мне ещё про того волка мозг не выносил. Даже знаю, что он мне скажет.»

— Кстати! Нашли нашего Гришу, — процедил Макс сквозь зубы.

— И где? — отвечаю, глядя на выражение его лица. Улыбка сползла с лица друга.

— Где-где? В Махачкале. Выкуп требуют. Босс сказал, что сотку обозначили. Ну не охуевшие, скажи?

— Слышь, брат, а что, если у этого Магомеда сына выкрасть? А потом просто обменять? — фантазирую, трясясь на соседнем сиденье.

— А ты это Пожарскому и предложи. Ага. Простое дело. Может, пусть платят, и делу конец, пока никого не убили, — отвечает он нервно.

— А ты что, уже устал икру жрать? — в пику ему стараюсь бодриться.

— Я? Да. Домой хочу. А ты что, нет? Заказчик уже начал жопой возить. Переговоры ведёт о выкупе почти за нашей спиной. Более того, собрался обе семьи отправить в Израиль, возможно даже на совсем, — выдал мне сразу кучу новостей Макс.

«И что сразу не сказал, что без нас уже порешали?»

— И что теперь? Домой? — спрашиваю, а в голове роятся куча самых недобрых мыслей: «И денег не заработал, и ранение какое-то левое. Подстрелили, но вроде как сам дурак.»

— Не всё так просто. Кто ж Гришу из Махачкалы повезёт? Да и деньги не малые. Эти черти могут и баксы отжать, и нахер послать.

— Всё-таки ещё повоюем, — задумчиво сказал я себе под нос.

— Что? А! Да, повоюем. Ты как? Домой поедешь? — мельком глянул в мою сторону.

— Да я бы мог и тут подежурить. Что мне дома делать? Бегать я, конечно, не очень, а стрелять, руки целы.

За разговором подъехали к усадьбе терпилы. Вхожу в дом. Спецов на месте не оказалось. Но вот жена магната тут как тут: добродушная, полная, улыбчивая еврейка, Нелли.

— Здравствуй, Ромочка! Как твоё самочувствие? Не болит? Ты кушал? — ой, мамочки, сколько сразу вопросов.

— Спасибо, Нелличка. Уже неплохо. Уколы я с собой взял, ещё несколько дней надо поколоть от заражения. А так, как огурчик. — мысленно добавил: «С помидорчиками. Слава богу.»

— Может, приляжешь?

— Нет, спасибо за беспокойство, я в порядке.

— Здорова, Терминатор! — поприветствовал меня Димчик, который выглянул в прихожую. — Чё ты?

— Норм. А где босс? Что он про это всё думает? — Спрашиваю его.

— Да он со спецами куда-то срулил, ещё утром. Я слышал, за налом для выкупа. Макс тебе не сказал?

— Да, было дело, по пути, но без деталей. Ладно, я попробую обмыться и переоденусь, наконец-то. Воняю как конь.

К вечеру приехал Пожарский с бойцами. Так и вышло, ездили в Минеральные Воды за баксами для выкупа, всей суммы здесь, на месте не было.

— Здорово, стрелок! — бодро пожал он мне руку. — Как самочувствие?

— Не дождётесь, — отрезал я беззлобно, закрывая разговор о здоровье. — Я готов к работе и дальше. Всё в порядке.

— Уверен? — смотрит мне в глаза изучающе. — Да, кстати. Волка твоего я видел. Ты ему пол башки снёс.

— Это было неожиданно. Сижу, никого не трогаю, слышу, кто-то пыхтит сзади, а там «здрасте вам».

— Да всё нормально. Тебе премия за ранение. Штука, — он растянул лицо в улыбке.

— Не откажусь, но было бы за что. Как я этого аксакала не заметил?

— А ты бы и не смог, если только б сквозь стены видел, — отвечает он.

— Ну да. На войне как на войне, проебал, убили, — выдал я очевидное.

— Ладно, отдыхай. Держался хорошо, молодец!

Подошёл к Семёну, который сидел пил чай.

— Спасибо. От всей души. Я твой должник, — говорю ему прямо в лицо, стоя над столом, опершись одной рукой, другую протянул ему.

— А ты… Да. Пришлось тебя чуть прокачать, — улыбнулся он в ответ.

— Надеюсь, без языка? — тут же, не задумываясь, ввернул я.

Все, кто был в столовой, заржали.

— А что, надо было? Ты ж молчал, а как без спросу-то? — вернул мне шпильку Семён. И все продолжили смеяться, подтягиваясь к столу.

Через день Мага назначил день передачи заложника в обмен на деньги. Худо-бедно удалось, при посредничестве Министра МВД Дагестана, скинуть цену со ста до шестидесяти тысяч бакинских рублей. Ага, министр так и сказал: «Сто до хуя. Палтос зеленью, в самый раз. И мне десять за гарантии и беспокойство». Вот так именно, слово в слово, почему Роман Яковлевич и не побежал к ментам сразу, коррупция, страшный бич. Ну а мы разработали чёткий план на случай, если всё пойдёт не по плану.

На трёх машинах выкатились рано утром, затемно. В этот раз для солидности наш шерстяной магнат выделил три чёрных БМВ, да и путь был не близкий, под четыреста километров. Всё оружие сложили в багажник машины первой группы, как и кейс с деньгами, потому что гаишный шмон на дороге никто не отменял.

В начале одиннадцатого были на месте, пёрли без остановки, потому что на постах БМВ с бойцами «Вымпела» притормаживала, и, засветив ксивы на ходу, давали нам проскочить без задержек. Не доезжая нужного дома, двое спецов соскочили и заняли позиции. Один напротив ворот в нише между домами, а второй побежал по диагонали, чтобы занять соответствующее место для возможной перестрелки. Мы же запарковались, перегородив улицу прямо у дома, поставив

машины сразу мордой на выезд, чтобы, если что, не буксовать на месте. Собственно, дома за высоченным забором из красного кирпича видно не было. Такая, скажу вам, кремлёвская стена, в которой вмурованы кованые ворота и чуть в отдалении дверь, соответствующего формата. Умеет же Роман Яковлевич себе друзей «выбирать». Чем выше забор, тем ниже совесть владельца.

Такие вот реалии. Сидим, ждём местного мента. Я остался в машине, сжимая в руках всё тот же «ПМ», а парни, разобрав вёсла, заняли позиции вдоль улицы, для усиления. Чужой город и почти чужая страна. Так Мишка и сказал:

— Сука, как в афганском кишлаке. Все волком смотрят. — И как подтверждение его словам, по тротуару прошли две женщины в хиджабах. Так мило…

Спустя более получаса явился кортеж министра, три чёрных «Гелендвагена». Муслим Гитинович Абубакаров, генерал-майор, и, судя по его расценкам, давно долларовый миллионер. Красавчик, короче.

Пожарский вышел из машины и направился прямиком к средней, как чувствовал, что генерал там. Из первой и последней высыпались бойцы, совсем не в милицейской форме. Все как один в дорогих костюмах, а по внешним признакам борцы или боксёры, но никак не сотрудники силовых структур, а значит, визит этот приватный.

Спустя несколько секунд из центрального «Гелика» вальяжно вывалился располневший седовласый кавказец сред-

них лет, в костюме цвета мокрой стали. Очевидно, он и есть, Абубакаров. Посредник, мать его.

Они поздоровались, с минуту что-то перетёрли, и Пожарский дал команду следовать за ним и генералом в штатском. Тем временем кованая дверь в пятиметровой стене открылась, и мы по очереди вошли внутрь. Лишь только наша передовая группа осталась наблюдать за периметром, а то знаем мы этих горячих парней, только начнёт назревать драка, как их тут же набежит без счёта. А наши парни быстро охолонят кого угодно.

Как и положено в подобных местах, высокий навес над двором, который застелен гранитной брусчаткой. В центре этой «красной площади» солидный фонтан с русалками и прочей хернёй.

«Когда же эта тварь столько наворовать успела?» — первое, что пришло на ум. Если честно признаться самому себе, зависти ноль, и вопрос совершенно не в ней. Такие вот Магомеды, Лёни и Яши мою страну и растащили по кусочкам. А сейчас я здесь стерегу одну бессовестную тварь от другой… за жалкие двести долларов в неделю.

Но второй голос, где-то глубоко внутри, стесняясь и малодушничая, шепчет: «А что ты мог сделать? Как бы ты на это повлиял? Противно».

С этими мыслями, прихрамывая, я незаметно разблокировал мизинцем скрытую кобуру на поясе, под расстёгнутой курткой, и вслед за Пожарским вошёл в дом.

Тут — уже привычный за последние три месяца «Версаль»: ковры и хрусталь. В холле — большой круглый стол, за которым сидит сухой, невзрачный, мужичок с выбритой, как бильярдный шар, головой. Прищуренный, лет пятидесяти. К нему генерал и подошёл «поздороваться» на местный манер, с обнимашками. Тот привстал лишь на пару секунд, чтобы потереться щёчкой с вошедшим.

Сразу видно: тот, кто сидит за столом, выше по положению. И чиновника он в хрен не ставит, судя по реакции. Меня это резануло. Нехорошая история.

А так оно и вышло. Я и ещё трое наших парней сели на стулья поодаль, вдоль противоположной стены разместились двое местных в наглаженных брюках и водолазках с бычьими шеями. Пожарский, генерал и Магомед приступили к заключительным танцам с бубнами, приёмке-передаче тела, надеемся, живого.

Но пошло всё так, как я и чувствовал, то есть плохо.

— Мы говорили о ста тысячах долларов, слышишь, ты, полковник? Сто, и ни копейки меньше. Из-за меньшего я бы встречаться не стал, — тихо, без эмоций и злости, процедил Мага Пожарскому. — И почему я не вижу здесь Рому?

— Уважаемый! — начал в тон ему наш босс. — Вчера мы по телефону договорились о пятидесяти, и это было последнее, что было. Вы просили только побыстрее. Мы здесь и деньги с нами.

— Побыстрее это ночью, а сейчас уже обед. Разве нет? —

его брови деланно поползли вверх.

— До Махачкалы четыреста километров, а мы не на вертолёте. Сумма крупная, и везти ночью я посчитал рискованным. Так что мы хотим забрать Григория Яковлевича, — подытожил Пожарский.

Но лысый не унимался. Тихо отсмеявшись, продолжил нести пургу:

— А я хочу свои сто тысяч. Что будем делать? — и кисло улыбнулся, покосившись на генерала, который, опустив глаза в стол, исполнял статую Будды.

— Хорошо, — ответил наш чекист. — Тогда мы поступим иначе. Здание окружено, подъезды заблокированы, а Григорий поедет с нами бесплатно.

С этими словами Пожарский удивил сидящих за столом продолжением: из рукава его пиджака на специальном шарнире выскочил небольшой пистолет и сухо хлопнувшись ему в ладонь. А мы по команде «бесплатно» взяли на прицел сидящих позади Магомеда «бычков».

— Это что такое? — возмутился генерал, но на него даже никто не обратил внимания.

— А ты думал, тебя уговаривать будут, шакал? — Алексей Валерьевич, поднявшись, быстро подошёл к Маге и резким движением руки ударил того по шее сбоку. Тот ойкнул, захрипел и осел на стуле кулём. Мы в то же время разложили охрану на полу, на раз-два. Никто от нас просто не ожидал такого подвоха, а всё почему?

«Самоуверенность полезна только при ловле блох. Хотя я могу ошибаться. Никогда подобным не занимался.»

— Слушай, падаль, искать не станем, сам расскажешь, где Григорий? — спокойно говорил Пожарский уже пристёгнутому наручниками к стулу Магомеду.

— Мы так не договаривались! Эй, кто так делает? — снова возмутился генерал от МВД, и его акцент с истеричным тоном стал резать слух.

— Цыц, Муслим. Твой клиент не держит слово. А за свои слова надо отвечать. Правда, Мага?

Тот в ответ только сморгнул, говорить он ещё не мог, удар временно его парализовал, что, правда, не мешало ему слышать. Тогда Пожарский обратился к охранникам на полу:

— Кто скажет, где заложник, не сядет на двадцать лет за бандитизм. — Те упрямо заёрзали на полу, уперевшись лбами в начищенный паркет, но ответом не порадовали.

А спустя десять минут двое бойцов «Вымпела», оставшиеся до этого во дворе, как бы перекурить, ввели в зал долгожданного брата Гришу. Пока мы тут «вели переговоры», усыпляя бдительность, Семён и Игорь разоружили охрану в доме и прошерстили все комнаты, которых, со слов Семёна, он заебался считать, и в итоге обнаружили в погребе грязного, исхудавшего, несчастного брата нашего нанимателя. Но Гриша оказался практически цел.

А что генерал? По итогам он выполнил свою роль, Троянского коня. А кроме того, со слов Пожарского, ему светило

как минимум неполное служебное и отставка.

А тем временем к зданию на уютной Махачкалинской улице подъехала «кавалерия» на пяти кряжистых и лупатых «Ниссан Патруль». Роль которой отработали сотрудники центрального управления Федеральной Службы Контрразведки, прибывшие на кануне из Москвы. Простые парни в масках с простыми славянскими глазами. Ну а мы, плотно пообедав на окраине дагестанской столицы шикарными бараньими рёбрышками и чуду, умчали вдаль.

Глава 4
Декабрь 1994

Тихое зимнее утро. Пью кофе, глядя за окно с высоты десятого этажа на дымящие трубы ТЭЦ. Вот уже одиннадцатый день я кукую в Москве, присматривая за нашим новым VIP-клиентом, Михаилом Боруховичем Мурзаевым. Человек невероятного размаха и обладатель крайне специфического мехового бизнеса, к которому нас присоветовал сам Гаврилов. Схема у него рабочая: пушнина едет с Севера на Юг, а готовые шубы обратно. При этом Михаил Борухович виртуозно исполняет «танец с саблями», пытаясь уклониться от внимания налоговой, милиции и местной братвы.

Все, кто имеет отношение к меховому бизнесу, знают: лучшие норковые шапки делают в Моздоке, а шубы в Пятигорске. Правда, носить такие меха на Кавминводах зимой

слишком жаркое дело, если, конечно, вы не на армянской свадьбе, где статус «дорого-богато» всегда перевешивает любой здравый смысл. В общем, бизнес у нашего клиента тревожный, прямо скажем, на любителя экзотики. А задача нашей доблестной команды неусыпно следить, чтобы клиенту никто случайно не проломил голову. Но, честно говоря, это задача уже становилась на пределе наших возможностей. Михаил Борухович обладает настолько «спокойным» характером, что неприятности липнут к нему сами собой. У него каждое утро как минимум тринадцатое число, причём в пятницу. Его феноменальный дар влетать в переделки ежедневно, и мне порой кажется, что его жизнь — это бесконечный сериал про фатальное невезение. Но семейный клан поручил именно ему заниматься этим сегментом общего бизнеса. Родственников, как известно, не выбирают.

— Рома, сегодня едем в Тверь, — «порадовал» меня Миша своими планами на день.

«Надо так надо. Ещё бы понять, нужно ли?» Интересно, какое говно ждать от Мурзаева сегодня?

— Во сколько выезжаем? Машину надо прогреть, на улице минус двадцать семь. — отвечаю ему.

— Так прогрей. — небрежно заметил он. — Ключи на крючке в прихожей.

«Какой же он сука вежливый». Я пошёл одеваться в тёплый финский пуховик, и чёрт бы меня побрал купить эти американские замшевые рыжие ботинки в ГУМе, которые

безбожно промокали даже в мороз.

Выскочил из подъезда, изо рта клубами повалил пар, уши сдавило словно тисками. И хорошо, что ветра нет. Добрался до парковки, разгрёб голыми руками и вытоптал ногами снег вокруг машины, чтобы добраться до двери белого Мерседеса. С трудом отодрал примёрзшую дверь. Сел. Поворачиваю ключ в замке зажигания и… ни-ху-я. Даже генератор отказался крутить, только реле щёлкнуло и всё. Несколько жалких попыток не дали ничего.

Говорил же я ему, что аккумулятор надо забирать в дом, морозы усиливаются. И что он ответил? «Это же немецкое качество». Ладно, попробую «прикурить». Но, к счастью или не счастью, пока ещё не понять, подрядить никого не удалось. Москвичи в такую погоду предпочитают метро. Двор пуст. Только ровные шеренги занесённых снегом машин на стоянке.

Пока я крутился вокруг машины, вышел Михаил Борухович. Маленький, толстенький, лысенький проныра.

— Ну чё, едем? — с ходу выдаёт вопрос он, хотя видел же в окно, что машина не завелась.

— Едем, — отвечаю. — Нам точно сегодня надо, или есть альтернативные варианты?

— А чё, не завелась? — Как же я люблю такие риторические вопросы. Хочется сразу дать в морду.

«Когда предлагают умные советы, слушать же надо.»

— Я вчера предлагал снять аккумулятор. Вы что ответи-

ли? — рычу в ответ, стараясь выкать.

— Понял. Едем на электричке.

Мы пошли на станцию метро, чтобы добраться до Ленинградского вокзала.

— Да, Рома, возьми вот это, пусть будет у тебя, — и протянул мне, прямо на улице, на виду у честного люда, пояс с деньгами.

«Как будто специально призывает: ограбьте меня!»

— Сколько там? — хотя бы знать, за какую сумму башку отобьют.

— Семьдесят пять штук баксов. Едем норку покупать, — равнодушно ответил он.

А мне пришло на ум: это же две трёшки в Москве или десять трёхкомнатных квартир в моём городе в новостройке. И рассчитывать можно исключительно на везение, отправляясь с таким намерением на электричке, без ствола, что на нас не обратят внимание какие-нибудь бандитские наводчики. Я, конечно, с кулаками, к тому же готов проявить молодецкую удаль при случае. Но, как говорится, «лучше нету карате, чем в карманах два ТТ», которых у меня с собой в Москве нет. Нам повезёт, только если случайно. Чёрт!

И вот мы уже в тамбуре электрички. Слегка покачиваемся на стыках, шум колёс, в замёрзших окнах угадываются тёмные пятна заснеженных елей. Едем в Тверь. Миша курит, пуская носом дым, взгляд его устремлён внутрь себя. Что-то планирует, о чём-то переживает.

Вот такой вот человечек достался, а мне две недели без тренировок, если не считать «законные» отжимания с утра.

И глядя на него, такая берёт злость, что в голову лезут нехорошие мысли. Вот сейчас, пока в тамбуре никого, рубануть бы его и, пристегнув к нему пустой «банан» на пояс, выкинуть нахер в снег, где это тело добросовестно окоченеет на таком морозе. А когда спросят, куда он делся, честно ответить: ушёл покурить и не вернулся. А я ведь предупреждал это тело, курение вредит здоровью. Хотя за исчезновение таких бабок с меня всю кровь выпьют. И до отца доберутся.

Мы поймали на станции бомбилу на «копейке» и поехали в зверосовхоз за покупками. Лесная дорога: снег искрится на солнышке, за окном трясущейся на ухабах легковушки мелькают запорошенные ели, кое-где встречаются покосившиеся чёрные избушки, дымящие сизым выхлопом. «Эге-гей, Русь ты моя!» — точно не хочется кричать. Сплошная серость и убогость. Как люди тут живут? Два часа от Москвы, и попадаешь в прошлый век. Позор.

У решётчатых ворот, сваренных из суровой арматуры и выкрашенных в вечно синюю краску, курит сторож.

— Чяво вам? — прыснув слюной сквозь жёлтые гнилые зубы, спросил он, когда мы вышли из машины.

— Мы к директору. Я вчера с ним созванивался. Открывай! — рявкнул Миша по-хозяйски.

— А ты мне здеся не гоношись. Скажуть, пушшу. Тута жди, — в тон Михаилу Боруховичу ответил дед в тулупе и

ушёл в сторожку, что-то бормоча себе под нос. Но, как оказалось, звонить он никому не стал. Просто обиделся.

Поначалу ждали, что откроет. Потом даже стучали по металлу, чтобы привлечь внимание, но хуй. Только минут через сорок, когда к воротам подкатила чёрная «Волга», в которой оказался руководитель зверосовхоза, дела пошли на лад. Он впустил нас в свою машину, и мы покатились мимо одиноко стоящих ёлок, исполняющих роль аллеи, в сторону конторы.

— Цена со вчерашнего дня не изменилась, Михаил, — обращаясь к моему подотчётному, сидя справа от водителя в пол-оборота, сказал директор.

— Виктор Павлович! Давайте всё-таки обговорим скидки. Я уверен, что вас это заинтересует, — выдал Миша.

Тот покосился на водителя, потом на Михаила и подал ему какой-то знак глазами, смысл которого можно понять как: «О деталях в кабинете. Посторонние уши».

Доехав до места, Михаил и Виктор Павлович пошли в контору договариваться, а я решил чуть пройтись, осмотреться. Меня привлёк стоящий метрах в пятидесяти отстёгнутый прицеп гружёный чем-то красным. По мере того, как я приближался, в телеге проступала целая гора ободранных трупиков. Несчастных милых животных. Цена роскоши. Вид не для слабонервных. Я, конечно, к таким не относился, но более жестокой инсталляции я в жизни ещё не видел.

Стоял, зависал, размышлял о вечном. И тут слышу, зовёт

Михаил.

Я обернулся. Машет рукой. Ждёт с деньгами, значит, пора платить. Подойдя ближе, услышал его брюзжание:

— Ну куда ты пропал-то? Деньги же у тебя.

Я вошёл вслед за ним в здание. Под ногами скрипят деревянные полы, окрашенные в седьмой слой красной эмали, стены просто побелены, перекосившиеся двери и окна с треснувшими стёклами. И это совхоз-миллионер. Тихий ужас.

Находясь под впечатлением от горы норкового мяса, я вошёл в кабинет следом.

— Деньги, — обратился ко мне Михаил. Я отстегнул «банан» и отдал ему.

В результате всей схемы, с учётом отката директору, мы прикупили пять тысяч шкур самцов и немного самок по вполне сходной цене. А директор от щедрот выделил нам для транспортировки совхозный микроавтобус «РАФ».

До вечера Миша, который ещё в советскую бытность закончил меховой техникум, занимался выбраковкой, осматривая каждую пачку шкурок. Пачка — это связка шкур, продетых через глазницы, по двадцать штук в каждой.

Завершив ритуал пересчёта шкур и денег, директор и Михаил хряпнули по сто коньяка, который, кстати, Миша и привёз с собой. Попрощавшись, мы отправились в долгий обратный путь.

Уже выехав на трассу, я склонился к самому уху Михаила

и тихо спросил:

— Дорогой мой человек! Ты заранее, ещё вчера не мог мне сказать, что мы повезём сегодня, товара на семьдесят пять косых бакинских? Я хотя бы газовик твой прихватил.

Он чуть отстранился на неудобном сиденье микроавтобуса и выдал то, что я никак не ожидал:

— А тебя это ебать не должно! Твоё дело меня охранять.

— Совершенно в дырочку. Тебя, — выкать я уже не стал. Человек, который не уважает того единственного, кто является его проездным билетом здесь и сейчас, теряет всякое уважение. — Без ствола я, конечно, могу что-то, но я точно не супермен. Суперменам не платят двести пятьдесят в неделю. Но я хотя бы должен заранее знать о цели и маршруте нашего движения, чтобы предпринять элементарные меры безопасности при перевозке ценного груза. Ты хоть это понимаешь? Сейчас грохнут по-тихому и за меньшее. Я обязательно доложу своему руководству, когда вернёмся, о том, что для самоубийцы телохранитель не нужен. — Помолчал и добавил: — Если вернёмся.

— Да что ты очкуешь? Всё же идёт нормально, — сменив тон, ответил Михаил, осветив салон идиотской улыбкой. — Что, в первый раз такое?

— Не хотелось, но я напомню, ты, очевидно, забыл, почему обратился к нам? — и, не дав ему ответить, продолжил: — Обугленный труп твоего компаньона, который вёз бабло, нашли в сгоревшей машине под Будённовском. А гайцы на-

писали, что авария. Ни денег, ни друга.

Михаил, прикусив губу, молчал. Ответа на это у него не было. Но в эту ночь, видимо, календарь перещёлкнулся на четырнадцатое. Кроме пары остановок на постах с проверкой документов на груз — двадцать пять набитых шкурами сумок с норкой, — других приключений не случилось. Бизнес по-русски, ну или, если быть точнее, по-еврейски. Но на мою шею попался какой-то непродуманный еврей, попутавший берега.

Вечер следующего дня. Михаил, отправив партию норки в Минводы спецрейсом, решил, что «оттянуться» по полной — это жизненная необходимость. И понесло нас в ночной клуб. А где в Москве лучше всего искать приключений на свою пятую точку в предновогодней суете? Конечно, в «Метелице».

Это место было не просто рестораном — это был настоящий маркер успеха. Попасть в «Метелицу» означало, что ты окончательно и бесповоротно ворвался в высшую лигу. Только внутри этого заведения кипела настоящая жизнь: к вашим услугам рестораны на любой вкус, бары с «элитными» коктейлями по десять долларов, концертный зал с лучшей акустикой в столице и казино. Пафосное место порока и разврата.

У «Метелицы» был свой неписаный этикет: дамы в роскошных вечерних платьях, прямо после театра, спускались к рулетке, где их можно было тут же за несколько зелёных

купюр вести в номера. А солидные мужчины в костюмах от Brioni вершили судьбы бизнеса и страны за карточными столами. Здесь собиралась вся «элита»: предприниматели в фирменных малиновых пиджаках, стремительно взлетающие звёзды шоу-бизнеса и иностранцы, которых сюда водили как в зоопарк — посмотреть на «настоящую русскую жизнь».

По нам пути пришлось заехать в бутик на Тверской, чтобы приодеть и меня соответствующе, но относительно не дорого. Я-то прилетел сюда в джинсах и комплекте полярника, и ничего не предвещало клубной жизни. Иначе путь в казино для меня был заказан. А куда Миша без охраны? Понты дороже денег.

Милые девушки накинулись на меня с мерками, чтобы подобрать готовый комплект ночного жигало по деликатной цене. Мой костюм обошёлся в сто девяносто семь условных единиц, плюс туфли под сотню. На рубашке я сэкономил — взял совсем бюджетный вариант. От галстука я отказался. Зачем мне удавка?

Тут же переодевшись, вернулся в машину, где Михаил в дорогом костюме, сидя за рулём, читал «Спид Инфо». «Тот ещё озабоченный ублюдок. Сорок лет. На работе о бабах, с бабами о работе. Путь воина, бога в душу мать.»

— Сколько? — спросил он, когда я сел в машину.

Я непонимающе поднял брови:

— Ты о чём? — хотя, конечно, догадался, что его интере-

сует сумма покупки. — По деньгам, — ответил я. — Как раз хотел себе что-нибудь приличное купить, повод появился, — правда я отдал почти всю наличку, что была у меня с собой.

— Как знаешь, — прыснул Михаил и явно в душе обрадовался, что ему не придётся нести дополнительных издержек. «Конечно, лучше на шлюх потратиться.»

— Поехали, — и, чуть позже, с ехидной улыбкой процедил: — Готов к труду и обороне?

— Как пионер, —отвечаю в тон ему.

Минуя вереницу улиц, мы примчали на Новый Арбат, по адресу. Мишин Мерседес выглядел унылым говном на парковке среди выстроившихся в линию «шестисотых», майбахов и геликов — сплошь чёрного цвета. Ну а как ты на белую машину мигалку поставишь?

Клан горских евреев редко пускал на равных правах в свою компанию даже ашкеназов, но мне таки уделили долю внимания, разрешив на общих правах сидеть за одним с ними столом. Я в своём модном Hugo Boss и лакированных Baldinini гармонично влился в атмосферу и выделялся лишь русым цветом волос и шириной плеч.

От спиртного я сразу и категорично отказался и в дальнейшем ко мне никто приставать не стал. Работа есть работа, да и отдыхать с бокалом в руках я никогда не стремился. И так, как телохранитель за нашим столом был я один, то и отдуваться, в случае чего, предстоит мне за всех, а конфликты здесь могут вспыхнуть от любой ерунды. Каждый мнит себя

Марком Крассом, ещё вчера заработав свой первый миллион долларов. Но тут встречались караси и пожирнее: Абрамович, Березовский, Гусинский — сплошь «славяне».

Что говорить о тёмной стороне московских улиц: главари Солнцевской, Курганской, Ореховской группировок, а также разнообразные чеченские гастролёры — тут как тут, словно насекомые на неприятную субстанцию слетелись.

Но видимо до кульминации нам дожить здесь не пришлось — судьба распорядилась по-своему. Пока тамада в белом как снег костюме задвигал тосты на тему бизнеса и хвалил «ихнего» Бога за фарт и процветание, под шумную эстраду, гул с соседних столиков и звон посуды с нескольких сторон в зал ворвались, безудержно сметая всё на своём пути в количестве, не поддающемся подсчёту, бравые бойцы ОМОН. Музыка разом оборвалась, а голос в рупор объявил: «Мордой в пол. Проверка паспортов».

И началось веселье, за которым наблюдать лучше по телевизору в вечерних программах новостей. Тех, кто сразу не услышал, омоновцы сбивали тычками автоматов и носками берцев на пол, заставляя отползать ближе к центру помещения. Ибо нехуй. Я не стал дожидаться особого приглашения, спокойно поднялся, сделал несколько шагов к проходу и принял упор лёжа, дабы лишний раз не отсвечивать. Да и паспорт был при себе. Жалко новый костюм. Очень жалко.

Вот значит лежим, дышим в пол из мраморной крошки, от которого разит пролитым алкоголем и сотней немытых оле-

ней. Извините за метафору, но про алкоголь не вру. Между нами прохаживаются чёрные человечки в балаклавах, жадно выцеливая, кому бы дать берцем по рёбрам. Я их даже где-то понимаю. Они тут пашут, исполняют свой служебный долг, как могут. А вот эти разнаряженные хозяева жизни кайфуют, как в последний раз, щупают путан, пьют Cristal и Martell, катаются на невероятных тачках. Одним словом — живут. А их словно бешеных собак выпустили покусать, унизить и, если повезёт, забрать с собой, в обезьянник, где можно дальше поглумиться и пощипать. А потом, вернувшись в свою общажную конуру на окраине Москвы, надраться до поросячьего визга палёнкой. Порождения зависти, нищеты и безысходности. И нет в этом их вины… Такова их природа.

Тем временем очередь дошла до нашей группы. Слышу лающий голос справа сверху от себя:

— Паспорт. — Поворачиваюсь на звук. Крепкий, коренастый боец склонился над нашим тамадой в белоснежном костюме, тот уже держит корочку, зажимая в пальцах правой руки. Приготовился. Боец выдёргивает паспорт, листает, я внимательно наблюдаю за мимикой его глаз, тот щурится, изучая. Тем временем кого-то уже подняли на ноги в дальнем углу и застегнули за спиной браслеты.

— Микаилов Эли Максимович. Тат? — прочтя, завис боец над тамадой. — Кто такой тат? Национальность? — Наш аксакал, повернув с трудом голову набок, в сторону проверяющего, прохрипел:

— Да еврей я, еврей. Горский еврей. — И каково же было удивление, когда замерший на секунду омоновец, встав на колено, извиняясь на все лады, принялся помогать подняться тамаде на ноги, чуть ли не стряхивая с него соринки. Эли Максимович, встав на ноги, поправил манжеты чёрной рубашки под сияющим пиджаком, указав бойцу небрежно пальцем в нашу сторону, сообщил: «Эти со мной», надменно выпятив нижнюю челюсть вперёд. Затем вытряхнул из пачки Camel сигарету и, прикурив от золотой зажигалки, спокойно осмотрел происходящее вокруг. Наблюдать снизу вверх на это эпичное перерождение было особенно интересно. Чисто феникс.

Нам всем разрешили подняться и, бегло просмотрев паспортные данные, предложили покинуть клуб по причине приостановки его работы.

Мы дружно вышли на свежий воздух, матерясь и отряхиваясь. Параллельно из утробы тщеславия и разврата омоновцы выводили наружу, очевидно, тех, кого искали по ориентировкам, но скорее всего без паспортов и с чеченским акцентом. Молодая гордая республика как раз объявила Москве войну, и что там у нас на Кавказе сейчас назревает, одному Богу известно. Телевизор крайние две недели смотреть было некогда.

Примечание.

таты — это в основном мусульмане-шииты (а также христианские общины), а горские евреи — иудеи. При

этом исторически оба народа говорят на близких диалектах татского языка иранской группы, из-за чего в советское время горских евреев часто официально записывали просто «татами».

— Поехали ко мне на квартиру, — предложил, но по тону приказал Эли Максимович. — Продолжим у меня, мы же тут ничего не обсудили. Трудовому человеку в этой Москве не отдохнуть, не поработать. — Он продолжал курить уже следующую сигарету. Я присмотрелся к нему внимательнее. Кто он? Они все ему подчиняются не только по возрасту, он что-то большее. Высокий, широкоплечий, лет пятьдесят пять, седая грива волос и орлиный профиль, чисто кондор. И как он только на пол-то лёг? Тем временем «кондор» продиктовал адрес, и все дружно отправились на парковку по машинам.

Я оставил свой пуховик в автомобиле, и морозный вечер тут же достучался до моих зубов. Стоять в тонком пиджаке при минус двадцать с лишним просто за гранью. Можно ненароком и воспаление лёгких заполучить. И хорошо, что сегодня удалось реанимировать Мерседес, который сейчас быстро прогрелся, и мы с Михаилом, влившись в поток на Новом Арбате, устремились по указанному адресу.

— Ты видел, что в основном чехов собирали по залу? — не глядя на меня, процедил Михаил, зажав в зубах спичку.

— Сразу обратил на это внимание. — кивнул я.

— Зря они их цепляют, хапнем ещё горя, вот увидишь, —

продолжил он ванговать, хотя беспокойства от горного народа испытала уже вся европейская часть России, да и соседние бывшие республики СССР.

— Мой отец говорит: «Чеченцы при первом удобном случае сольются из России». Ага. Да они, считай, уже сами по себе. С таким-то президентом не мудрено. Боря всё просрёт, увидишь.

Ох уж этот Нострадамус, а вроде и не пил много за столом, я за ним присматривал. Но ментов вряд ли стоит бояться, нетрезвое состояние можно порешать на месте, за сотку баксов. Но лучше бы за руль сел я.

И ещё я заметил: после вчерашнего разговора в микроавтобусе он стал вести себя по-другому. Даже не пойму, что поменялось. Но его надменный тон по отношению ко мне поубавился на порядок.

Квартира Микаилова оказалась в получасе езды. Я не следил за дорогой, просто тупил в окно, любуясь предновогодними гирляндами и транспарантами, которые безвкусно и аляповато висели тут и там.

Поднялись на лифте многоэтажки на самый верх. Эли Максимович тут развернулся на своеобразный пентхаус для утех. Как оказалось, что он земляк, из Кисловодска, а здесь только наездами.

Я сел в малой гостиной к телевизору, полистать, что тут по кабельному крутят, а все ушли в столовую что-то решать. Как я слышал краем уха, обсуждали идею организации во-

круг столицы по МКАДу сети автостоянок «подскока» для большегрузных машин, с целью в дальнейшем расширить сеть по всей стране.

Я потыкал каналы и остановился на MTV Europe Music Awards. Череда клипов: Джордж Майкл, Roxette, Брайан Адамс, Take That. И ни одной нормальной рок-группы, бедненько.

Вот так сижу, грызу фисташки, наслаждаюсь минимальным одиночеством, и тут слышу довольные возгласы из столовой. Что у них там случилось? Стало интересно, очевидно, тёрки закончились.

И правда, Микаилов заказал десерт на вечер, раз в «Метле» подкачали. Привезли трёх шлюх. Ну как шлюх, высоченных, взрослых, ухоженных див в норковых шубках: блондинку, брюнетку и рыжую. На любой вкус и цвет. Богатым на радость.

Пошёл на кухню налить себе чего-нибудь, после солёных орешков захотелось сока или колы. Уходя, заметил, как у Миши блестят сальные глазки от похотливого азарта.

Апельсиновый сок оказался в огромном количестве, больше десятка картонных упаковок J7, просто кайф. Не нашёл, где хранятся стаканы, прихватил с собой целую коробку и пошёл назад.

А в столовой назревало продолжение. Шубки с путан бесследно исчезли, как и вся одежда, кроме чулок. Три крайне сексуальные нимфы устроили на полу настоящее лесби-шоу.

Тонкие тела с большими сиськами сплелись в змеиный клубок на ковре в центре комнаты, сразу и не понять, кто кому лижет, кто кому сосёт. Бр… Зацепился взглядом за одну из этих кудесниц. Яркую черноглазую метиску. Поймал её тоскливый, потерянный взгляд. Взгляд животного, попавшего в силки.

Я демонстративно откупорил сок и сделал добрый глоток живительного напитка. Заворожённые действом предприниматели, сидящие в креслах и диванах вдоль стен, разом обернулись в мою сторону. Но я обратил внимание лишь на один взгляд. Михаил, застигнутый на месте разврата, смотрел на меня глазами, в которых не осталось ничего человеческого. Только звериный голод. Только безудержная похоть. Только бездна, в которой он уже растворился. Я не стал смотреть продолжение, я же на работе, пошёл дальше и у меня свой персональный MTV.

А потом разгорячённые зрелищем и коньяком еврейские джигиты кинули жребий, кто по очереди и кого, и растащили мокрых жриц любви по спальням. Сквозь музыкальное сопровождение телевизора стали слышны визги, крики и стоны со всех сторон. Куда я, блядь, попал? Что за дом Калигулы? Спустя час, в прямом и переносном смысле, появился недовольный Михаил.

— Поехали домой. — пробубнил он у меня за спиной, когда я спокойно листал программы ТВ. Я резко встал, коротко покрутился, разминая мышцы спины и ног, и вышел в холл

следом за ним.

Уже в машине выяснилась причина раздражения моего подопечного. Он не смог кончить. Потому что эта, как он отметил, «рыжая тварь» не умеет сосать. И не удивительно, когда тут целая очередь и в спину кто-то дышит, в переносном смысле, надеюсь. Сложно полностью расслабиться. Как оказалось, девочек привезли на вечеринки из Алма-Аты. Эли заплатил за них почти десятку гринов. Это, мол, известный эротический театр из Казахстана. Дичь какая. Потому то я и вспомнил про «Калигулу» и Питера О'Тула.

— А кто он? — кручу баранку, наслаждаюсь вечерней Москвой. Мишу за руль я не пустил. После своего фиаско он высадил на посошок фужер коньяка со злости, поэтому сомневаюсь, что мы окажемся дома живыми, если поведёт он. Но вдруг, по всей видимости, в тёплой машине пары наконец-то нашли выход к его мозгу и снесли Мише башню начисто. Он проигнорировал мой вопрос, а бодро скомандовал:

— Так, поворачивай здесь. — рявкнул он. Метаморфоза налицо. Маленький еврей превращается в горного орла, и его потянуло на подвиг.

— А что там? «Короче?» — без задней ещё мысли спрашиваю его.

— Хуёче! Езжай в «Россию». У меня там тёлка работает.

— Ты уверен? — и меня накрыли ещё большие сомнения.

— Поехали. Не пизди. — выдал он следующую реплику.

— Окей. Босс. — везу его к гостинице. Интересно, как он

собирается кого-то трахать в таком состоянии?

Прикатили на огромную парковку «кавказской пленницы», и я пошёл проводить утомлённого джентльмена до фойе, но потом подумал: с такой харизмой его точно здесь отоварят. И поднялся с Мишей на лифте на этаж. На входе пришлось отдать денег администратору. После одиннадцати посетителей не пускали за просто так. И тут выяснилось, что он вообще забыл, в каком крыле работает его фея, да и вообще на каком этаже. Что его просто взбесило. Он пытался рычать на меня, но я держал себя в руках и почти не реагировал на всплески бешенства этого недоёба.

Между тем на седьмом этаже обнаружился работающий валютный бар, и Михаил решил догнаться ещё. И ладно бы просто выпил и мы пошли бы на выход, но его душа искала праздника, а его поправленный алкоголем глаз упал на барменшу.

— Э, фью! — обратился он к молодой ухоженной женщине. — Ты меня хочешь? — На что барменша никак не реагировала, зато меня начало накрывать самого. «Что за идиот?» И вдруг мой идиот достаёт из кармана пиджака пресс сотенных долларов и начинает кидать ей за стойку.

— Ты, коза, слышишь, пойдём со мной. Я знаю, тут есть свободные номера.

Она собрала деньги с пола, положила на стойку и жёстко ответила:

— Заберите ваши деньги и прошу вас уйти. Я вызову

охрану. — и посмотрела на меня, как явно адекватного. Миша не унимался, его понесло. Он поливал барменшу отборным матом, перечисляя, кого и как он отымеет, включая её прапрабабушек. А потом обернулся ко мне и так запросто, громко и чётко произносит:

— Рома. Ёбни её. — И это стало крайней каплей для меня. Кто знает, чем бы это кончилось, если бы не мой жёсткий и быстрый тычок под его правое подреберье. Джигит опал как ветошь, я даже не успел его подхватить, потому что уже смотрел на стопку денег на стойке, которые я тут же сгрёб себе. И пока Михаил, булькая и икая, сидел, собравшись в позу эмбриона, я попросил стакан «Боржоми», выпил и извинился. И, собрав всю волю, сгрёб этого подранка и потащил к лифту.

— Удачи тебе. — услышал приятный женский бархатный голос за спиной. Я не обернулся. Но запомнил его. А мне хотелось тупо бросить здесь эту мерзкую ношу. «Упал солдат, не справился с атакой». Но пришлось заняться эвакуацией.

Как спускал в лифте, как тащил к машине и вёз, даже вспоминать не хочу. Урод какой-то. Но, поднявшись в квартиру на лифте, занёс безжизненное тело в спальню, я вернулся на улицу и, стрельнув у редкого прохожего сигарету, закурил. Эта работа не по мне. Я теряю здесь здоровье и бессмысленно трачу время. Забрал из машины свои вещи и вернулся в квартиру. На часах почти четыре. Спать.

Утром вскочил по будильнику, сложил в спортивную сум-

ку костюм и туфли, купленные по случаю, оделся и пошёл на кухню выпить кофе. Стою, пью, смотрю в окно на серое декабрьское утро и на те же трубы ТЭЦ. В голове прокручиваю варианты: если билетов не будет, поеду на электричке до Одинцово, у троюродного брата перекантуюсь. Если и там не выйдет, сяду на поезд, да хоть в автобусе, хоть стоя. Лишь бы уехать. Оставаться здесь я больше не могу. Баста. Домой.

И тут, пока я куботорил в голове варианты, опухший и жалкий, в семейных триселях с выпяченным волосатым брюхом в кухню ввалился воскресший «победитель».

— А что ты так рано и куда собрался? — прокряхтел он.

— Домой. Я разрываю наш контракт. Ключи от машины на крючке в прихожей. Заплати мне за две недели, и мы разбежались, — спокойно, проговаривая каждое слово, ответил я.

— А что случилось-то? — на его лице поддельное удивление и растерянность. Хотя я точно вижу, всё помнит же гад, что именно случилось.

— Деньги на бочку и адьёс. Миша.

Глава 5
Июль 1995

Мы с Пожарским подъехали к неприметному дому постройки середины прошлого века, затерянному на улице Авиаторов в глубине Кисловодска. Здание выглядело как

привет из другой эпохи: выцветший кирпич, высокие деревянные ставни и узкие окна, за которыми угадывались старомодные кружевные занавески.

Слева от дома тянулся длинный и донельзя скучный забор, собранный из листов металла, выкрашенный в нейтральный коричневый цвет. Ближе к самому строению, расположились скромные ворота с калиткой — ни тебе ковки, ни золотых вензелей, полное отсутствие лишних понтов. Типичное жилище для того, кто предпочитает не привлекать к себе внимания.

Наш босс за этот год пересел с бежевой «шестёрки» за руль новенькой, только что из салона, красной BMW 318. Никогда бы не подумал, что чекист так быстро вживётся в новую роль. Но ему очень шёл этот цвет. Красный. Серому любой цвет подойдёт…

— Роман, будь добр, позвони, а то нам не скоро откроют.

Я выскочил из машины и протяжно прижал кнопку звонка у калитки. Когда услышал шаркающие шаги за забором, вернулся в машину. Ворота медленно распахнулись, и мы вкатились в обширный двор, в глубине которого буквально возвышался двухэтажный особняк эпохи Людовика четырнадцатого. И этот контраст просто вводил в ступор. За два года общения с «новыми русскими» евреями такой роскошной архитектуры я ещё не встречал.

— Что молчишь? — улыбнувшись, спросил Алексей Ва-

лерьевич. А я почувствовал, что у меня от удивления отвалилась челюсть, а я выгляжу как полный дурак.

— Ловко спрятано, — только и сказал я.

— Деньги любят тишину, — ответил он.

Тем временем пожилая женщина, открывшая ворота, вернула их в исходное положение, а из особняка вальяжно вышел хозяин дома, облачившийся в красный шёлковый халат в драконах. Микаилов Эли Максимович.

— А ты что, впервые у него дома?

— Да. Я и его-то вижу второй раз в жизни. На Новый год был с Мурзаевым у него на квартире в Москве.

— Про Мурзаева больше ни слова, договорились. У меня от воспоминаний о нём мигрень начинается, — хохотнул Пожарский.

— С радостью, — ответил я и вышел из машины.

— О! А тебя я знаю, — указав на меня пальцем, весело выдал Максимыч.

— Добрейшего вечера, уважаемый! — поприветствовал я его, не стал подходить сразу, дождался, пока сначала поздоровается Пожарский.

Меня всегда забавляли эти брачные танцы вокруг да около: кто первый воду пьёт, кто лепёшку переламывает, кто первый руку жмёт, а кому отдуваться за все косяки. Все эти ритуалы я, в основном, запомнил. Хотя, возможно, в них есть здравый смысл.

— Пойдём в дом. Жара-то какая стоит. Могу предложить

холодного морса, — гостеприимно предложил хозяин и завёл нас в умопомрачительно роскошный дом. Обстановка царская. Да что там царская, я такого и в кино не видел. «Сколько же ты украл, Эли Максимович?»

Пройдя по безупречному в восточных узорах мрамору пола, мы оказались в гостиной. Разместились в изысканных креслах, приняв из рук хозяина по запотевшему бокалу с рубиновой жидкостью. Здесь отдельная история, камин: выше двух метров и шириной не меньше трёх, как гаражные ворота. Отделан малахитом и бронзой. На верхней полке возвышалась минора с потушенными свечами.

Сидим, наслаждаемся вишнёвым вкусом под кондиционером, который радует бодрящей свежестью после дороги.

— Ужин скоро приготовят. А пока я хотел бы высказать суть проблемы. Ну, даже в общем-то не проблемы, а целого геморроя, — перекинув ногу на ногу, закуривая неизменный Camel, начал Эли Максимович. — Нашу компанию атаковала налоговая, долбят буквально и в хвост и в гриву. Запросы по всей структуре, даже по тем вопросам, которые формально не входят в зону нашей ответственности и не имеют никаких финансовых дел между собой. Алексей Валерьевич, подскажи, ты же у нас можешь всё, как быть?

— Я так понимаю, у вас в «Аэлите» есть утечка. Недоброжелатель внутри компании, который сливает все ваши движения, — ответил чекист.

— Это-то да. Есть такое чувство, — Максимович чуть по-

думал и продолжил. — Но чувствовать можно и хуй в жопе. Есть стойкое ощущение, что это наш уважаемый товарищ Мурзаев. После того отчёта, который вы, в том числе, предоставили, мы ограничили его финансирование. А те издержки, которые в результате его необдуманных схем мы получили, почти закрыты. Но… Это дело семейное, сами понимаете.

— Эли, давай на чистоту, не будем здесь задницей водить. Ты хочешь, чтобы мы решили с ним вопрос? — прямо в лоб спросил Пожарский. Максимович глубоко затянулся, выпустил вверх облако дыма и ответил:

— И да, и нет. Пусть живёт, но хотелось бы, чтобы то, что он наворотил, обернулось только против него. Мишу надо посадить, и сесть он должен как раз вместо Эдика Липенгольца, который сейчас чалится в «Белом лебеде». И заодно отпугнуть этих надоедливых мух из налоговой.

— Непростая задача, Эли, — пожевав губы, ответил Пожарский.

— Пятьдесят тысяч долларов, — кратко ответил тот. И тут я сразу догадался о причине, по которой я с ним здесь и сейчас. Пожарский пригласил меня с собой, чтобы я был свидетелем этого разговора.

Пожарский немного подумал:

— Хорошо. Берёмся. Только возникнут дополнительные траты.

— Куда же без них, — улыбнулся седовласый гриф. —

Десятки на первое время будет достаточно? Я же знаю, насколько ты щепетилен с деньгами.

— Вполне, — подытожил Алексей Валерьевич.

— Ну что ж, пойдём в столовую, посмотрим, чем нас удивит мой новый повар.

Повар порадовал фаршированной рыбой, супом с тефтелями и всякими соусами, и намазками. К ужину спустился младший брат Микаилова, Натан. Он на днях приехал погостить у Эли. Женщин в доме не наблюдалось, так как жену с сыном он отправил в Израиль.

Вкусненько и сытно покушав, Пожарский, Эли и Натан остались в столовой общаться за дегустацией немецкого баночного пива, фуру которого Натан отправил на КМВ для пробы. Я же решил пройтись по дому. Хозяин сам мне предложил самостоятельную экскурсию, заметив моё явное восхищение обстановкой.

— Погуляй, посмотри. Когда разбогатеешь, построишь лучше. — то ли подколол, а то и правда пожелал удачи на перспективу. При этом его брат, сорокалетняя копия Эли, с таким же породистым носом и неизменной золотой звездой Давида на шее, ободряюще хмыкнул.

Уважение, которое наши евреи выказывали к Пожарскому, каким-то образом относилось и ко мне. Они неизменно воспринимали меня его универсальным солдатом. Слухи об операции в Махачкале и Будённовске месячной давности, когда нам поневоле пришлось поучаствовать в боях с сепа-

ратистами, летели впереди нас, а вот что конкретно мы там делали, толком никто не знал.

Вы бывали когда-нибудь в Эрмитаже? Вот и мне довелось в очередной раз. Просто пиздец! Сколько это всё может стоить, да и дом построен ещё в бытность СССР. Как ему это удалось, при этом не сесть? Зависти во мне ноль, я к такому не стремлюсь и о такой роскоши даже не мечтаю. Очевидно, здесь всё построено на установке: «Хочу, значит могу».

В глубине гостиной барная стойка, позади которой высокая стойка со штабелем аппаратуры Kenwood. А вот электроника с раннего детства возбуждала мой живой интерес, вот чему можно позавидовать. Даже CD-проигрыватель есть! Без спроса включил музыку, и из метровых колонок полился завораживающий голос Sade с её «Kiss of Life». Как же это круто! Сел в глубокое кресло, закрыл глаза. Экскурсии я люблю, чтобы проводил экскурсовод, а я тут посижу.

Пока я расслаблял булки и нервную систему, эта троица на кухне договорилась до того, чтобы вызвать проституток. Чего я от Пожарского никак не ожидал, а ещё бывший коммунист… Видимо, пиво было с возбудителем, или ментальное влияние Эли давало о себе знать. Второй раз вижу его, и второй раз шлюхи. Закономерность.

Девочек доставили под вечер и не чем-нибудь, а на «скорой помощи». Серьёзно! Натан, выступивший организатором логистики, особо не заморачивался: такси не вызывалось, вот он и позвонил на станцию, заказав перевозку «цен-

ного груза» с адреса на адрес. А что, с мигалкой и быстро, сервис высшего класса! Интересно, им мазок на триппер по пути сделали? Самое забавное, что привезли настоящих медсестёр. В больницах сейчас такой развал, что зарплату не платят месяцами, вот некоторым девчонкам и приходится наступать на горло собственной гордости. Дома дети по лавкам, просят есть, а их мамы вынуждены идти в эскорт. Что поделать: сейчас можно купить всё что хочешь.

Неожиданный сюрприз ждал и меня: персональную «невесту» заказали и для меня. Мне досталась кассирша из банка, и кличка у неё была под стать профессии, «Машка-Квитанция». Остальных девиц звали вполне поэтично: Виолетта, Мариана, Эммануэла, а мне вот выпала Квитанция. И смех, и грех! На вид она была совсем крошечная, тоненькая, с огромными глазами на бледном лице и длиннющими волосами, которые торчали во все стороны из-за начёса. Я бы назвал её Мальвиной, но что есть, то есть. Никакой романтики.

Господа разбрелись по спальням второго этажа, а я остался с этой девятнадцатилетней девочкой на кухне пить чай. У меня было жёсткое правило: никаких подарков и поблажек от нанимателя и никакого алкоголя. Принципы для меня святые. Не знаю почему, но спать с проституткой для меня всё равно что мыться в общей бане чужой мочалкой. Брр.

Под Lipton я услышал целую исповедь о тяжёлой жизни жрицы любви. Сначала она не могла поверить, что трахать

её никто не собирается, отчего сильно переживала, что ей и не заплатят. Хотя, правда, за что? Но мне было хотя бы не скучно: наслушался всякого ужаса и диких историй.

Потихоньку в кухню стали сползаться остальные: завёрнутые в одеяла и простыни девочки с размазанной помадой, а мужики глотнуть пивка для второго тура. Когда в дверях нарисовался Микаилов и увидел меня, степенного, полностью одетого и неспешно попивающего чаёк с ногами на пуфике, его удивлению не было предела.

— Ты что бездельничаешь? Время! Цыгель-цыгель-айлю-лю! — выдал он по классике.

— Спасибо, — ответил я своим коронным, — я не голоден.

В итоге мою собеседницу «реквизировали» для второго круга. Натан решил, что с двумя тёлками одновременно он ещё сегодня не пробовал, так что надо срочно закрыть этот гештальт.

От скуки я пошёл бродить по дому. Проходя через холл, заметил винтовую лестницу, ведущую вниз, и решил глянуть, что там. Ожидал увидеть подсобки, котельную или, на худой конец, кладовку. Но, отперев тяжёлую дубовую дверь, замер от изумления.

Я оказался в большом помещении или даже цехе, квадратов на двести с лишним. Словно я попал на швейную фабрику: ряды швейных машин, в углу раскроечные столы. А вдоль стены, на все три метра, высились стеллажи, забитые

пушниной всех цветов и оттенков. Так вот где «собака порылась»!

Но самое поразительное, несмотря на позднее время, за столами, не поднимая головы, строчили на машинках женщины всех возрастов. Одна из них лишь мельком глянула в мою сторону, но тут же вернулась к работе, мастерски сшивая шкурки в одно цельное полотно. Пока «барин» вверху устраивает оргии, здесь куют бабло. Вернее, строчат.

Я прошёлся вдоль стеллажа и зацепился взглядом за интересную деталь: огромные рулоны шёлковой подкладки с вышивкой известного бренда «Gorski Montreal». А вот и источник сверхприбыли! Подделки, значит? Браво, Эли, браво! Всё сходится: мех с Севера, пошив в подпольном, в прямом смысле, цеху, а лейблы люксовые. Схема простая, но до чего же доходная. А посадят Мишу. Хотя его совсем не жалко.

— Вы кто? — услышал я за спиной и тут же обернулся на голос. Это была симпатичная брюнетка под тридцать, высокая, статная, прямая как солдат на плацу. Лицо широкоскулое, напряжённое, в больших оленьих глазах живой интерес и подозрительность. Особая деталь, губы. Такие пухлые, бархатные, как персик. Да, может, и не бархатные, но такими они мне сразу показались. Последнее, на что я обратил внимание, грудь, проступающая сквозь тонкую ткань рубашки.

Воздух в моей груди застрял. Я смотрел на неё и не мог отвести взгляд, не из любопытства, а из какого-то странного,

почти болезненного узнавания.

— Гость. Я у Максимыча в гостях, — ответил я, продолжая смотреть на эти потрясающие губы.

— Странно. Сюда гости никогда не спускаются, — нахмурила она изящные, словно крылья, густые брови. На её смуглом лице проступил лёгкий румянец.

— А вы здесь трудитесь? — перешёл я в наступление.

— Скорее, я здесь управляю. Я технолог.

— А как мне вас зовут? — продолжил я, путаясь в обращении от замешательства.

— Меня не зовут, я сама прихожу, — легко и незатейливо рассмеялась она. И меня чуть не свалило ощущение дежавю. Будто я если и не общался, но точно с ней встречался. Эти глаза я уже точно видел, но где? И от этого ощущения мне становилось одновременно и легко, и тревожно.

— Я Зоя.

— Роман, — представился я. — Рыцарь плаща и кинжала, — не найдя ничего умнее, добавил я. Она снова свела брови, но снова рассмеялась.

— А вы не хотите мне помочь? — спросила она, отсмеявшись.

— КАнЭшно хАчу, — сказал я, пытаясь изобразить кавказский акцент.

— Пойдёмте со мной, Роман. — И повела меня вдоль рядов цокочущих машин в конец цеха, к противоположной двери. Мы вышли во двор, и она замерла, не решаясь дальше

ступить.

— Чем помочь? — удивился я и обратил внимание на её лёгкий испуг.

— Вы собак боитесь? — глядя мне прямо в глаза, спросила Зоя.

— По-разному. А что надо-то?

— Овчарка во дворе отстегнулась. Мы уйти не можем домой. Обычно Эли Максимович кормит Соломона и выпускает после двенадцати. А сегодня почему-то сделал это раньше. Надо его в вольер загнать.

— Так и зовут, Соломон? — удивился я, хотя кто бы говорил, я своего пса Платоном назвал.

— Хозяин его Моней кличет, — хихикнула она.

— Попробую. Только дверь не закрывайте на замок, мало ли, убегать придётся, — улыбнулся я и шагнул в тускло освещённый задний двор.

Пройдя несколько шагов, остановился, когда сбоку из темноты послышался знакомый звук лап по асфальту. На свет фонаря трусцой выскочил полуволк-полупёс, гигантская овчарка, выше стандарта в холке, почти чёрной масти с лёгкими подпалинами на груди.

— Привет, Моня! Ты кушал? — спросил я его. Пёс удивлённо остановился и пристально уставился на меня, медленно крутя головой и принюхиваясь.

— Пойдём со мной. Дам что-то вкусненькое, — стараясь не смотреть ему в глаза, легонько хлопнул себя по бедру ле-

вой рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.